

ЮЛИЯ
ЗОНИС

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕТИ БОГОВ

Юлия Зонис

Дети богов

«Автор»

Зонис Ю. А.

Дети богов / Ю. А. Зонис — «Автор»,

Москва, наши дни. Князь Подгорного Царства Ингве – преуспевающий бизнесмен, глава международной нефтегазовой корпорации, В результате совершенного на него нападения Ингве узнает, что в схватку за обладание давно утерянным наследием свартальвов – могущественным мечом Тирфинг – вступили новые силы. Оставив Москву и привычную комфортную жизнь, Ингве бросается на поиски меча. След приводит его на Тибетское нагорье. Здесь властны еще древние боги, голодные тени бродят по развалинам покинутых монастырей, а за чужаками пристально следит тот, кого местные называют Учителем или Охотником. Случайна ли встреча князя свартальвов и человека с серебряной катаной за плечом или это лишь первый ход в шахматной партии судьбы?

© Зонис Ю. А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава 1. Охота на нифлинга	12
Глава 2. Монастырь Недонг	32
Глава 3. Разговорчики в Пхукете	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юлия Зонис

Дети богов

*Посвящается Б.Л. и М.Э.
Сведущие разберутся.*

*...мы дети богов -
наша участь известна.
Мельница, «На север»*

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Шакилова,
Екатерину Чернявскую,
bret'a и Романа Диброва*

Пролог

Yngwe rigs and mining company

Бронированный мерс впереди горел. Горел он красиво и дымно, как горит, в сущности, любое транспортное средство, пораженное противотанковой ракетой. Внутри мерса горели охранники и водитель. Один из охранников, впрочем, распахнул дверцу и вывалился наружу в тщетной попытке спастись, и его тут же скосила короткая автоматная очередь с крыши. Сейчас труп валялся рядом с медленно плавящимися колесами мерса и подгорал.

Здесь следовало бы добавить, что я сидел в задней машине – металлокерамическом Кэдди, точной копии машинки нынешнего американского президента. Не знаю, с какого Нифлинга меня одолели понты и я сделал заказ Дженерал Моторс. Кэдди был прекрасен – противотанковая ракета его не брала. Дверь, подбитая керамикой, и пол, подбитый кевларом, пока что надежно хранили от взрывов, а трехдюймовой толщины тонированные стекла – от дневного света. Однако... Однако у машины имелся серьезный недостаток, который сейчас, в узких переулках Дмитровки, обнаружился во всей красе. Развернуть крупногабаритную зверюгу здесь оказалось совершенно невозможно. Мы надежно застряли между двух желтокирпичных памятников архитектуры девятнадцатого века, с крыши которых нас поливали дружным автоматным огнем. Пожалуй, скоро ребятам надоест впустую изводить амуницию, и они возьмутся за автоген – а вот это было бы уже совсем некстати. Жаркое осеннее солнышко, полдневное светило, стояло прямо в зените, пригревая сквозь перламутровое море смога. Поганцы знали, что делают. Если им удастся выковырять меня из железной банки...

Тут шофер, наконец, очухался и повернул ко мне перекошенное лицо.

– Надо выбирать, Мастер.

– Ага, – безмятежно подтвердил я, шурясь на красиво приплясывающее на лобовом стекле пламя.

Ребята сверху перешли на зажигательные.

Вперед или назад? Сзади дорогу блокировал бронированный фургон, впереди – горящий мерс (и Нифлинг знает что еще). Фургон мы, возможно, снесем, а вот если у Кэдди полопаются шины...

– Давай-ка задний ход, милый.

Водила послушно рванул на себя рычаг коробки передач.

Дальше стало уже и вовсе интересно. Фургон мы снесли, и, провожаемые очередями, понеслись задним ходом по узкому переулку. Спустя несколько секунд машина вылетела на улицу пошире, где уже были милицейские сирены и вечные московские бабки, которые появляются на месте любого происшествия и воют неизменно, как баньши на покойника. Водила за рулем заматюкался – и когда только успел набраться местной могучей фонетики? Солнце весело поблескивало на стеклах и мигалках гаишников. Ох уж это солнце...

– Мастер, дальше куда?

Нет, придется уволить парня. Нельзя быть таким тупым, для жизни опасно. И его, и, главное, моей.

– В метро, милый, в метро.

– А?

– Спуск в подземный переход видишь сзади? Лестницу, над ней буква «М»? Вот туда и дуй.

Если у водилы и нашлись возражения, он предпочел удержать их при себе. Нили, мой телохранитель, который в начале перестрелки попытался улечься мне на голову, а теперь нервно теребил кобуру со служебной «береттой», открыл было рот – да тут же и захлопнул его с лязгом, когда Кэдди, по-прежнему задницей вперед, загремел вниз по ступенькам. Народ с визгом разбегался. Шофер ловко повернул, избежав столкновения с противоположной, красивым сортирным кафелем выложенной стеной, снес стеклянную дверь заодно с железным кар-касом, ряд автоматов при входе – и вот мы уже в московском метрополитене, седьмом, как известно, чуде столицы. Нили среагировал быстро. Выпрыгнул из машины, радостно помахал пистолетом (новый взрыв воплей) и только потом распахнул мою дверцу.

Когда наша троица скатились вниз по эскалатору, поезд уже отходил от станции. Я помчался за уходящим вагоном и в прыжке плечом протаранил дверь. Дверь вывернуло с мясом и с облокотившейся о створки парочкой. Ничего, в следующий раз серьезней отнесутся к предупреждению «не прислоняться». Шофер и Нили прыгнули следом за мной, и поезд унесло в благословенно черный туннель.

Визит тому лицу, к которому я собирался днем, мы все же нанесли, но уже в удобное время – то есть, вскоре после полуночи. Большинство из птиц его полета закупились особняками на Рублевке, однако мой человек проявил оригинальность во вкусах и приобрел хоромы новейшей застройки на Краснопресненской набережной. С замками разобрался умелец Нили, а консержу – а, попросту, лакею – на входе я отвел глаза. В пентхаузе, прямо напротив лифта, тоже дежурила парочка бычар в полной экипировке. Похоже, хозяин ждал поздних гостей. С этими следовало бы разобраться по-свойски – может, как раз они и выцеливали господина иностранного инвестора нынче с крыши – однако я не британский суперагент и не американский шпион, чтобы косить все, что движется. На журнальный столик, на котором двое резалось в карты, шлепнулся здоровенный лаковый пруссак.

– Уй-ё! – завопил младший из телохранителей, белобрысый верзила в бронежилете.

Он вскочил, опрокидывая стул.

– Тапком его мочи, тапком, – заорал второй, роняя карты. Карты разлетелись веселым веером, а охранники умчались вглубь квартиры, преследуя несуществующее насекомое. Так они и прогоняются до утра.

Нили остался на всякий случай у лифта, а я направился в хозяйскую спальню.

Здесь все было минималистично, в духе четырнадцатого императора. Из ансамбля малость выбивалась сама кровать и то, что ее окружало. Меня наверняка ждали. Над ложем гаргантюанских пропорций висели, без особого порядка: ветки омелы и бузины, треснутый аметист на серебряной цепочке, несколько серебряных же распятий, пять шелковых лент с тибетскими заклинаниями против злых духов и, зачем-то, пионерский горн. По полу вокруг

кровати тянулась надпись на санскрите. Над всем этим великолепием, там, где у бонз прошлого полагалось быть портрету вождя или, на худой конец, купанию красного коня, обнаружилась икона. Под иконой теплилась лампадка. Раздражающе пахло ладаном. Хорошо еще, что хозяин не догадался украсить стены гирляндами чеснока.

Одеяло мерно вздымалось, являя моему острому в полумраке взору распростертую женскую фигуру отнюдь не журнальных пропорций. Рядом с ней посапывал в две дырочки сам хозяин. Вот, поди ж ты – мимоходом удивился я – и не развелся со своей благоверной, когда повеяло ветром перемен, и не обзавелся десятком длинноногих балетных див. Что ж, пускай благоверная спит и видит приятные сны о приеме у корейского посланника, я не потревожу ее покоя. Что же касается супруга...

Хозяин сел в постели торчком. Пошарив на тумбочке рядом с кроватью, он надел очки и включил лампу. И побелел, как снятое молоко.

– Как вы сюда попали?

– На метле прилетел. Нечего окно оставлять открытым, – мрачно пошутил я.

Хозяин быстро взглянул на окно, будто и впрямь ожидая увидеть поднятое стекло. Впрочем, он почти мгновенно овладел собой. Да, сдержанность практически спартанская, учитывая обстоятельства.

– Я очень сожалею о сегодняшнем инциденте.

– Правда, что ли?

Я придвинул ногой табурет и устроился рядом с кроватью. Сдержанный или нет, но только хозяин все время переводил взгляд с меня на огромное, в полстены, зеркало. Похоже, присутствие в зеркале моего отражения его удивляло.

– Надеюсь, Ингве Драупнирович, вы не думаете, что это была моя акция?

– Этого я как раз не думаю. Ваши акции, милейший, нынче настолько не в цене, что подобное шоу с фейерверками вам просто не по карману.

Тут я, конечно, малость преувеличил – однако хозяин поспешил заглотать крючок.

– Прибыльность предприятия немного упала, это так, но в свете мирового кризиса...

– Кончайте мне баки заливать, – жестко оборвал я. – В свете мирового кризиса, сколько вы нефти качали, столько и будете качать, а цены растут. Вопрос не в этом. И даже не в том, на что вы спустили инвестиции – глядя на вашу нескромную обитель в городе, где квадратный метр подваливает под пять штук зеленых, я это неплохо себе представляю. Вопрос в том, кому вы так не вовремя проболтались о моем визите в Москву и о нашей встрече? Или не проболтались? Или, скажем так, кого надо проинформировали?

Хозяин – назовем его, допустим, Карлом Марковичем, – снял очки, подышал на стекла и старательно протер платочком. И, только вновь водрузив на нос свои окуляры, ответил тихо и прочувствованно:

– Ингве Драупнирович, на нас давят силовики. То есть они на нас всегда давили, и, поверьте, совсем не на излишества я трачу ваши вложения, большая часть идет понятно куда. Однако сейчас они совсем оборзели. Такое впечатление, что что-то затевается, крупная какая-то гадость...

– И поэтому, дорогой мой Карл, вы решили стащить у бедной Клары кораллы, девочку порешить, а с награбленным удалиться в некую островную страну с приятным тропическим климатом?

– Я повторяю, это не мы на вас наехали...

– Имя, сестра, Имя.

И, после некоторых колебаний и легкого убеждения с моей стороны, он назвал имя.

И я бы оставил добрейшего Карла Марковича в живых, если бы не один давнишний инцидент. Тут, пожалуй, стоит перемотать время на пару лет назад, когда мы с моим нынешним

хозяином повстречались впервые. Встреча состоялась на веранде ресторана «Москва-Сити», и присутствовал при встрече знаменитый посредник, который, как говорят, мог опосредовать все что угодно, включая переговоры Господа и Дьявола. Исходя из дальнейших событий, я нахожу, что персонаж этот все-таки зарвался: он вызвался вести переговоры между собственной жизнью и смертью, и стороны не сошлись по нескольким ключевым позициям. Однако в тот вечер Ваню Вазгенович был еще жив и светски-любезен. Хванчкара и шампанское лились рекой. Сама река то таинственно чернела, то поблескивала внизу в свете электрических цепочек, теряющихся в зеркале огней большого города.

Карл Маркович вел себя пристойно в течение всего нашего суаре, и лишь под конец, разгоряченный то ли вином, то ли открывшимися финансовыми перспективами, малость сплеховал. Перегнувшись ко мне через стол, он поинтересовался доверительным шепотом:

– Ингве Драупнирович, признайтесь: вы – вампир?

Я настолько обалдел от такого вопроса, что в ответ сумел лишь криво ухмыльнуться и спросить:

– А я что, по-вашему, похож на вампира?

– Нет, – раздумчиво сказал банкир, опускаясь на стул. – Вы похожи на своего батюшку.

Чувствительный Ваню схватился за сердце и кинулся подливать всем шампанского. Я ничего не сказал тогда, но запомнил.

У свартальвов есть один древний и уважаемый обычай, собезьянненный, впрочем, и некоторыми человеческими племенами. Если дитя рождается хилым – то есть если при ударе новорожденным младенцем о наковальню наковальня не трескается пополам, а, напротив, ребенок начинает плакать и жаловаться праотцу-Имиру на мучителей – так вот, хилое это дитя принято скидывать со скалы в пропасть. Не с какой-то жалкой Тайгетской скалы, а с одного из ледяных уступов Свартальфхейма, обрывающихся прямоком в Хель. Неплохой метод контроля рождаемости, учитывая, что срок жизни свартальвов ничем не ограничен. Так вот, подобная участь должна была постигнуть и меня. Мало того, что наковальню я своей круглой головкой не расколошматил, так еще и широко открывшиеся от боли детские мои глаза оказались серыми – серыми! Ни у кого в нашем роду нет серых глаз. Отец, конечно, тут же свалил вину на матушку – мол, малопочтенные предки ее путались с ваннами. Надо же как-то объяснить родственникам эдакую незадачу. Однако все мои младшие братья и сестренка Нари уродились, как и положено, черноглазыми, и послушно разбивали головой цельнометаллические болванки. Обвинение в примеси ванских кровей было снято. А я так и остался непонятным выродком. О чем папаша не раз, и не два, и не три мне напоминал. Жаль, что мы, свартальвы, столь медленно входим в возраст – иначе злополучный взрыв на шахте, унесший жизнь моего отца и еще нескольких столпов Свартальфхейма, состоялся бы намного раньше.

В пасть хозяину я запихнул горсть хорошо отшлифованных брильянтов. Во-первых, на радость безутешной вдовице (если, конечно, камешки не приберут жадные до вещдоков следственные органы), а, во-вторых, всегда приятно создать небольшую путаницу в умах заинтересованных сторон.

Нили у лифта раскладывал пасьянс «косынка». Из ванной доносились вопли и смачные шлепки – вояки все еще гоняли иллюзорного тараканищу. Я свистнул Нили, и мы тихо удалились. Консьерж на входе проводил нас затуманенным взглядом, и в зарослях сирени у забора залилась разбуженная птаха.

Я находился как раз посреди разработки плана, как добраться до Имени – в отличие от моего свежешапокого партнера по бизнесу, Имя обитало за городом, на бывшей аппаратовской даче, крышуемой не только ведомственной охраной за крепким забором, но еще и сви-

репого нрава собачками – так вот, я был примерно посреди разработки операции, когда Имя добралось до меня само. Прозвонилось по мобиле. Имя оказалось не абы кем, а густоголосым полковником ФСБ Касьяновым Матвеем Афанасьевичем. ФСБшник рассыпался в извинениях, где часто фигурировали слова «недоразумение» и «ошибка некомпетентных товарищей», и пригласил меня к себе домой. С дружественным, так сказать, визитом. И я поехал.

Господин Касьянов оказался достаточно щепетилен, чтобы для нашего свидания выбрать вечернее время. То есть, после заката. Шины Кэдди мягко шурхнули по гравию подъездной дорожки. Из будки охраны высунулась та еще будка, козырнула и протянула лапу за документами. Из-за забора заливались собачки. Проверка прошла без сучка, без задоринки, и мы вкатились под сень листвы. А, точнее, хвой.

Дом оказался неказист – всего два этажа, выкрашенных облупившихся зеленой краской – зато сложен из крепких бревен. Хозяин принял меня в беседке, в саду. Здесь уже был накрыт стол, где традиционно зеленели свежие и подмаргивали соленые огурчики, между пучками лука рассыпались бордовые грузинские помидоры, а рядом нашлась и буженина, и сыр козий со слезой, и народная колбаска, и колбаска совсем не народная, и икра в хрустальных розетках. Молчаливый буфетчик – хотя, может, и ординарец – принес запотевшие с холода графины с водкой и так же беззвучно растворился в сумерках.

Водку разливал сам хозяин. Вместо правой кисти у него чернела кожаная перчатка протеза. Впрочем, перчаткой этой он орудовал довольно ловко, умащивая между пальцами наполненную стопку.

– Ну, за здоровье дорогого гостя! – провозгласил Афанасьич.

– За него.

Выпили. Конечно, до той браги, что гонят из костей почивших гримтурсов в родных моих подземных чертогах, аппетита не дотягивал, но вообще хорошая водка, финская. Закусили.

– Что это у вас с рукой? – спросил я. – Боевые раны?

– Да нет. Не поверите, со зверюгой одной не поладили.

– Крупная же была зверюга.

– Да уж не маленькая.

– Не бойтесь вот так, на отшибе? – поинтересовался я, оглядываясь (или, скорее, приглядываясь).

В саду было хорошо. Не жарко, но и не слишком прохладно. От грядки тянуло сыростью и землей, тонко пахли астры. Под потолком беседки в свете галогенных фонариков вилась поздняя, не успокоившаяся к сентябрю мошкара. За оградой вздыхал лес, и отсюда видны были темные кроны сосен, поглаживаемые ветром. Нили, которого я уговорил остаться в машине, из машины все же выбрался и сейчас нагло торчал под толстой елью в десяти саженях от беседки.

– А чего бояться? – крикнул полковник, махнувший уже третью стопку. – Живем одна. Да вы пейте, пейте. И закусывайте. Только для горячего место оставьте.

И так полковнику, невысокому, но крепкому, коренастому, с крепкой же лысиной и кавалерийскими усами все это шло, что можно было подумать – не ФСБэшная крыса передо мной сидит, а хлебосольный русский помещик, какой-нибудь Мефодий Сельянинович Зябликов, прямо сейчас готовый уступить по дешевке дюжину мертвых душ. Впрочем, я был достаточно взрослым, чтобы понимать – крыса останется крысой и с огурчиками и с водкой, а собственная мертвая душа хозяину еще пригодится на этом их Страшном Суде.

– Закормили, – проворчал я, когда давешний ординарец приволок блюдо с шашлыками в обрамлении петрушечных и укропных зарослей.

– Дорогому гостю не пожалеем, что в погребах имеем, – радостно срифмовал хозяин.

Знаю я, что там у вас в погребах – как бы не предыдущие дорогие гости. Впрочем, мой визит крысюку и впрямь встанет дорого.

– Что там у вас за петрушка в ведомстве? – недовольно спросил я, зажевывая духовитый петрушечный стебель.

Афанасьич сокрушенно покачал лысой башкой.

– Кадровые перестановки, то да се. Старая метла совсем не то мела, чего надо бы.

– А чего надо?

– Надо нам... Шашлыка-то возьмите еще, мясо свежее, мой Нуриев сам утром барашка резал.

Я отодвинул тарелку и, обтерев пальцы салфеткой, сцепил их в замок. Хозяин вздохнул.

– Надо бы нам с вами работать. Налаживать, так сказать, плодотворные и взаимовыгодные контакты.

– Взаимовыгодные?

Я задрал бровь. Их-то выгода была более чем очевидна – в нашем холдинге крутилось столько, что хватило бы на покупку Москвы со всей областью впридачу. И еще осталось бы на Питер и парочку мелких европейских стран. Не говоря уже о том, с какой эффективностью наши разведчики обнаруживали новые месторождения. А вот в чем тут моя выгода...

– Взаимовыгодные, да. Мы всегда рады иностранным инвесторам. Как у вас сейчас с налогами дела обстоят?

Я хмыкнул.

– Отлично обстоят у нас дела с налогами.

– Это пока отлично, а власть сменится – кто знает.

– С чего бы это ей меняться?

Полковник, кажется, сообразил, что сболтнул лишнее, потому что решительно утерся салфеткой и сменил тему.

– Я слышал, – добродушно повел он, снова разливая водку, – вы старинными артефактами интересуетесь?

Словечко «артефакты» далось ему с трудом, будто он долго заучивал его по бумажке. Даже более того, чудилось, что подозревает полковник в словечке нехорошее, допустим, старинное шведское ругательство, потому как промелькнуло в его голосе что-то неодобрительное. Ходят тут всякие, артефактами интересуются. А лучше бы уголек в шахте рубили во славу нашей гостеприимной родины.

Угадал я мысли полковника или нет, в сущности, было неважно.

– Не артефактами, – поправил я. – Одним артефактом. Но я, дорогой мой Матвей Афанасьевич, уже давно отчаялся и поиски прекратил.

Полковник пошевелил ушами. Это было интересно и жутковато – смотреть, как его заросшие серым волосом уши ходят вверх и вниз. Что таилось за загадочной мимикой полковника, я так и не понял. Возможно, общее неудовольствие от беседы, порученной ему благодушествующим начальством. Не привык полковник разговаривать с иностранными инвесторами в продуваемом вечерним сквознячком саду и поить их водкой. Привычки полковника, должно быть, отличались гораздо большей прямолинейностью и примерно описывались словами «давить западных гнид, предварительно обобрав до нитки». А, может, я и не прав. Может, просто развезло старичка от выпитого. Как бы то ни было, полковник опрокинул новую стопку, крякнул, закусил огурцом и начал, как ему казалось, издавека.

– Был у меня, когда служил я в Закавказском округе, дружан один. Тоже на артефактах повернутый. Какие-то там у него темные образовались связи с черными, что ли, копателями. Книжек исторических, опять же, много читал. У нас совещание штаба, а он в углу сидит под фонарем-молнией и страницы перелистывает. Звали его Гармовой Всеволод Петрович. Капитан. Не слышали? Ну я так и полагал. Так вот, говорил Володька мне, помнится, об одном мече. Очень старый это меч и очень сильный, и бодяга с ним такая, что он всегда возвращается туда, где был откован. То есть, в Рассею.

Я насторожился. Допустим, тот факт, что я ищущу некий меч – тайна невеликая. Его и отец мой искал: все музеи, все выставки старинного оружия, все частные коллекции в Европе обползал. Папаша на мече вообще был повернут: то ли власть над всем Альфхеймом и нижними землями ему грезилась, то ли князь Драупнир полагал, что с мечом его красотки полюбят. Я бы тоже не отказался вернуть семейное наследие – хотя бы для того, чтобы папаша заворочался от ярости в своем каменном могильнике.

– И что же случилось с вашим товарищем? – осторожно поинтересовался я.

Понятно, что все это могло быть примитивнейшей разводкой. Но могло ведь и не быть!

Полковник довольно засопел:

– Что, любопытно вам? А вот за чаем и расскажу. Заодно обсудим, кого бы нам в директора совместного предприятия назначить вместо покойного Карла Марковича.

Ну что с ним, с крысой, будешь делать? Я поколебался для виду и кивнул. И, следуя за хозяином в дом, подумал еще: надо же и вправду кого-то назначить. Если бы я знал тогда, во что ввязываюсь...

Часть первая

Князь Свартальфхейма

*Дамблдор: Сколько мужчин и женщин погибло у вас на глазах?
Северус Снейп: В последнее время – лишь те, кого я не сумел спасти.
Дж. К. Роулинг, «Гарри Поттер и Дары Смерти»*

Глава 1. Охота на нифлинга

Вернулся домой я задолго до рассвета. Квартирка моя в Солнцева была не из престижных – по крайней мере не из тех престижных, которые агенты по недвижимости стараются впарить по-младенчески доверчивым богачам новорусского разлива. В этом доме квартиры планировались и оборудовались в соответствии с пожеланиями заказчика. Мои пожелания отличались сугубой функциональностью: подземный гараж, две просторные спальни и ванны, хорошая звукоизоляция, железные жалюзи на окнах и вместительный, в стенку встроенный сейф. Некоторые из свартальфов, переселившись на поверхность, стараются обставить новые жилища по последним каталогам Нидавеллира – однако я не был поклонником мраморных унитазов и базальтовых кушеток.

Задвинув жалюзи и отправив Нили в его комнату, я прошел в ванную. Там раскрутил холодный кран до упора и, присев на край ванны, принялся наблюдать, как белый бассейн заполняется водой. Когда вода подступила к краю, я закрутил кран, опустил руку в ледяную белизну и позвал: «Ганна. Гануся».

Некоторые могут заметить, что любовная связь с навкой – не образчик здоровых отношений. Некоторые даже способны глубокомысленно заявить, что ничем хорошим такие дела, по обыкновению, не заканчиваются; что кожа у навков всегда холодная и чуть влажная, как лягушачья шкурка – отсюда, мол, и фольклорный мотив земноводной Василисы – и что наследнику одного из древнейших кланов Свартальфхейма не пристало растрачивать семя на неживую плоть. Некоторые не ошибаются, что, однако, не дает им права совать нос в чужие дела.

История Ганны могла бы стать материалом для поэмы или судебного протокола. В Великую Войну она была санитаркой и, понятное дело, влюбилась в выхоженного ею симпатичного пехотного капитана. Симпатичный пехотный капитан ничего не имел против фронтального романчика с красавицей-хохлушкой. По утверждениям Ганны (которым я, впрочем, верил слабо), они даже оформили что-то вроде официального брака. Как бы то ни было, спустя пару месяцев ППЖ забеременела, как и положено людской природой. В противуречие природе и не желая расставаться с капитаном, от плода Ганна избавилась. Тут большая часть симпатичности с капитана слетела, как гонимая бурей листва – выяснилось, что служивый мечтал о ребенке. Или не мечтал, или просто надоела ему хорошая собой, да слишком уж прилипчивая любовница. Жизненный путь Ганны завершился в реке Буг. Жизненный путь капитана продлился чуть дольше, однако навки плохо умеют забывать и прощать. Страшно подумать, скольких парней увлекло на темное и холодное дно красивое личико Ганны и длинные черные косы, в воде струящиеся, подобно змеям.

Навка поднялась из ванны и протянула ко мне тонкие руки цвета алебаstra.

– Любый мий, коханий, як я за тобою скучила! Чого ты так довго до мэнэ не прыходыв? Обийми мэнэ, прыгорны до своих грудэй, щоб я и зитхнуты не змогла!

Я хмыкнул.

– Гануся, оставь, пожалуйста, свои трюки для поздних купальщиков в Истринском водохранилище. К тому же ты и так не дышишь.

– Мог бы и не напоминать, – обиженно сказала Ганна.

Она ступила на пол. С плеч ее, с волос и с бедер стекала вода, застывая на мгновения росыным бисером. И исчезли стены в потном кафеле, и раскинулся вокруг луг – разноголосье медовых трав. Потянуло откуда-то костерком. Далеко за холмом, в ночном, заржали кони, и загудела сопелка, и звезды сделались огромны и яркие.

– Я ведь и вправду люблю тебя, – прошептала Ганна, прижимаясь к моей груди. – Люблю тебя, глупый.

...Опрокинулось небо.

Мою мать зовут Инфвальт Белое Перышко, и впитавшие ночное небо глаза Ганны чуть-чуть – человеческим бессильным подобием – напоминают ее глаза.

Когда Ганна вернулась туда, куда она всегда возвращалась, я вышел на балкон и закурил. Ветер понес дымок над стадами приземистых гаражей и стайками длинноногих качелей. Приближался рассвет. На пустыре за многоэтажками бомжи жгли костер. Если приглядеться повнимательней, можно было заметить сползавшихся к костру тварей из темноты. Твари не имели названия, что, возможно, и к лучшему, потому что имя придало бы им силы. Сейчас они тупо радовались теплу – не тому, что излучало пламя, а тому, что в обилии изливали в окружающую пустоту перепившиеся растворителя и счастливые бомжи. Бомжам было не жалко поделиться с тварями теплом, и эта необдуманная щедрость одновременно и восхищала меня, и злила.

Выкинув вниз окурок, я вернулся в комнату, опустил жалюзи и включил laptop. Пора было пообщаться с моим консьере. Я довольно долго тянул с этой беседой, но события последних дней замолчать все равно бы не удалось.

Веб-камера уставилась на меня глазком-бусинкой, и на экране возникло недовольное лицо Ингри. Когда Ингри взгляделся в меня, физиономия его скривилась еще больше.

– Опять со своей утопленницей барахтался? Посмотри на себя, ты же серый весь, не рожа – теодолит. Она ведь из тебя жизнь сосет! Когда ты наконец поймешь...

– И тебя с добрым утречком, Ингри.

Ингри вздохнул.

– Тебе что, так сложно называть меня Амосом?

Мне было не сложно. Хоть Горшком. Так же безразлично я относился к тому, как же все-таки обозначить должность Ингри: «советник» ли, или позаимствованный у Пьюзо «консьере», или официальный «аналитик». Вот и «Амоса» он у кого-то позаимствовал, непонятно с чего вспыхнул неприязню к собственному имени. Имена всех моих одногодков включают руну Ингваз, и это удобно – а вот, поди ж ты, помешанный на порядке Ингри тут решил отклониться от устава.

Когда жизнь моего папаши и его подручных оборвал уже упомянутый взрыв газа, мне пришлось срочно брать бразды правления компанией в свои руки. С Ингри я, будем честными, лоханулся. Он всегда казался тихим, неприметным пареньком – чем не советник? Я искренне полагал, что с этим тихоней смогу творить все, что левой моей ноженьке угодно, а он и не пикнет. Ошибка. Большая, грандиозная ошибка. Тихоня Ингри негромко, но твердо высказывал свое мнение по любому вопросу. Печально было даже не это, а то, что в конечном раскладе он всегда оказывался прав. Вот и сейчас...

– Ты сделал что?!

От возмущения консьере мой поперхнулся, и лицо его побагровело.

– Ты не ори особо, – предупредил я, – у вас там в Басре по дюжине жучков в каждой перегородке.

– Я и без тебя знаю, что у нас в Басре. А вот что ты творишь в Москве – это уже, Мастер Ингве, ни в какие ворота.

Если он начал величать меня «Мастером» – значит, дело пахнет керосином.

– Я что, должен опять объяснять тебе элементарные вещи? Неужели, о Князь-под-Горой, ты не понимаешь, как работает российская власть? Как работает любая власть?

Я поморщился. Ну все, пошла дудеть волюнка.

– Любая власть, Мастер Ингве, следует двум простым принципам: купить или убить. На Западе покупательный принцип берет верх, причем лишь потому, что здесь принято платить долги: соответственно, организации, долги не платящие, через некоторое время обнаруживают, что им не на что покупать орудия убийства. И тогда убивают их. В России же, которая, как известно, наследует Риму, заново открыли великое правило Суллы Счастливого, развитое впоследствии Августом: если убить тех, кому должен, и отобрать их деньги, то можно и рыбку съесть, и на электрический стул не сесть. Может, поэтому у вас там и нет электрических стульев...

Ингри сморщил нос и мелко захихикал, будто отвесил невесть какой каламбур. Я кисло ухмыльнулся.

– Все это, безусловно, занимательно...

Если дать Ингри волю, он будет излагать свои геополитические выкладки часами.

– Все это, говорю, интересно и поучительно, друг мой Амос, но, если следовать твоей логике, я поступил ровно так, как предписано здешними обычаями.

– Именно! Именно это ты, Мастер Ингве, и сделал. Ты позволил силовикам твоими руками избавиться от неудобного им банкира, а сам улегся под этого... как бишь там... Афанасьевича. Ведь тот, кого он с твоего согласия назначил, наверняка будет больше отстегивать правильным людям, то есть касьяновским выкормышам, и драть в три шкуры с неправильных, то есть с нас. Погоди, мы еще доживем до того момента, когда придется платить за возможность перестраивать дедами прорытые шахты под их убыточные говноразработки. Неужели ты не понимаешь, что единственный козырь Свартальфхейма – в нашей чуждой человеку природе? Ни запугать, ни купить свартальвов невозможно, и смертные должны это понимать...

– И когда поймут окончательно, решат, что всяко легче и доходней от нас попросту избавиться – так, что ли? И вообще, с чего это ты так разошелся, друг? Покушались, в конце-то концов, не на тебя – не ты в консервной банке торчал под обстрелом посреди бела дня...

– Под обстрелом? Покушались? Не смей меня, Ингве. Разве так покушаются? По-настоящему покушаются в темной подворотне, в офисе, в квартире любовницы, наконец. А не в центре Москвы, в трех шагах от Кремля. Тебя просто хотели слегка припугнуть и намекнуть, кто здесь главный – и у них это отлично получилось.

Порой мне кажется, что Ингри слишком много времени провел среди людей – вон даже имя сменил – и это плохо сказалось на его умственных способностях. Печальное зрелище – бессмертный, подражающий человеку. Мы не слишком отличаемся внешне, однако внутри сделаны из совершенно разных материалов. Люди во всем подобны глине, которая так часто фигурирует в их мифах о творении. Недосушишь – разлезется под пальцами, перегреешь – растрескается. Из-за малого срока жизни душа их настолько пластична и подвержена изменениям, что достаточно и легкого давления. Поэтому однажды купленный человек всю жизнь будет продаваться, а однажды убивший останется убийцей. Мы, свартальвы, подобны породившему нас камню. Камень может обуглиться и оплавиться снаружи, камень можно раскрошить в песок, но кристаллы, из которых состоит порода, остаются все теми же – пройдишь по ним хоть паровым молотом. Очень сложно разрушить кристалл. Поэтому мы можем сколько угодно продаваться и убивать, можем стать лососем, древесным корнем или женщиной, можем тысячу лет просидеть под землей, доить коров и рожать детей – суть наша от этого не изменится.

Так-то оно так, однако, прогуляв по свету без малого шесть сотен лет, поневоле заметишь: даже чистейшие кристаллы кварца подлюка-жизнь ухитряется вмять в свои сплавы...

– Протри глаза, экономист. Ну, потеряем мы на этом деле процентов десять...

– И ты так спокойно об этом говоришь? – ахнул Ингри по другую сторону экрана.

Нет, определенно, блеск золотого тельца помутил разум моего советника.

– Кончай считать гроши, жмот, и взгляни на общую картину. Напряги свои пресловутые аналитические способности, за которые ты, между прочим, и получил место в правлении компании. Меня вызывают в Москву, якобы на срочное совещание в связи с падением прибыльности разработок. Тут мне устраивают бесталанное покушение, так?

– Так.

– Затем непосредственно покушавшийся, неплохо, кстати, осведомленный о моей пресловутой вспыльчивости – взять хоть бедного Карла – сам объявляется, приглашает меня в гости, заводит речи о незначительных кадровых перестановках в московском представительстве... Не кажется ли тебе, что овчинка выделки не стоит?

– Не понимаю.

– Это потому, что ты не ушами слушал, а кошельком. Послушай еще раз.

Почему-то я чувствовал себя неуютно в деревянных домах. Понимал, что сказывается старое, давно изжившее себя предубеждение, что честное дерево ничуть не хуже камня, а тем более – стекла, бетона и прогнившей арматуры современных построек, однако вот ведь – голос крови. Почему-то казалось, что коварная древесина так и норовит вспыхнуть, стоит лишь поднести к ней спичку.

Очутившись в гостиной Матвея Афанасьевича, я еще раз убедился в том, как плохо разбираюсь в людях. Обнаружилось, что полковник мой и сам отнюдь не чужд любви к артефактам. Комната была задушена коврами. Толстые ковры покрывали пол и тянулись вверх по стенам, ковры иранские и ковры туркменские, ковры с самыми разнообразными узорами. На коврах были развешаны: вполне настоящий дамаский клинок, чеченский кинжал в красивых чеканных ножнах, русская уланская пика и неплохая коллекция французских мушкетеров семнадцатого века. Пригревал камин. На уютных оттоманках горами высились вышитые подушки. В зеркальном шкафу примостилось дружное семейство курительных трубок с чубуками из янтаря и красного дерева. Поверх ковров со стен пялились стеклянными очами головы невинно убиенных кабанов и оленей, и даже одна вполне страшная, оскаленная волчья башка.

В общем, Манилов мой стал то ли Собакевичем, то ли и вовсе лихим охотником Ноздревым. И не крыса уже вроде, а покрупнее зверь. Поопаснее. Хозяин расположился на диване и закурил трубку, ловко вставив вишневый чубук между черных перчаточных пальцев. Мне он предложил сигары «Монте-Кристо» в сувенирной коробке, но я удовольствовался своей початой пачкой «Кента».

Ничего особенно интересного за чаем хозяин мне так и не рассказал. Капитан Гармовой вышел в отставку в семьдесят пятом году, и с тех пор от души предался своему хобби. Обычная история кладолюбителя: порылся друг его в каких-то там курганах в Великой Степи, в княжких могильниках Ладоги, на речке Калке. Упоминал вроде бы об Атилле – мол, меч его, то ли найденный пастушком, то ли врученный неистовому гунну самой Матерью Коней, и был тем самым проклятым клинком. Тут ничего нового я не услышал: если верить всем досужим рассказам, в Европе в разные времена всплывало по меньшей мере двадцать Тирфингов. Все равно как с моим дедуней Дьюрином беседовать. Старикашка еще вполне бодрый, хотя и окончательно выжил из ума. У нас, бессмертных, и так-то память короткая, а когда это еще отягчено прогрессирующим Альцгеймером – совсем беда. Ты ему: «Дед, а дед, ковал или не ковал

ты великий меч для русского конунга¹?» А он тебе: «Вроде, и ковал. Для русского конунга. Великий меч. А, может, и не для русского, и не для конунга, и не ковал. И не меч. И не я. А где тут была моя плошка с кашей?» Порой, перечитывая людские летописи, удивляешься: как это один и тот же герой, чистокровный альв или полукровка, ухитрился и здесь покняжить, и там все разорить, и тому он был сыном, и этому, да еще и обзавестись не менее героическим потомством, причем до собственного рождения? Объяснение простое: бессмертным долгая память ни к чему. Это люди способны перебирать мгновенья, бережно низать из них четки, как из самых драгоценных бусин. Похоже, это им возмещение за слишком короткий век. Наше же прошлое сливается во что-то нелепо-цветное, калейдоскоп, где отдельные события тасуются и вскоре теряют всякое подобие порядка и смысла. Вот и приходится вычитывать о собственных деяниях из человеческих летописей и удивляться: батюшки, неужели и вправду это был я?

Возвращаясь к Тирфингу, первые страницы его истории задокументированы в северных летописях довольно точно, а с берсерком Арнгримом² и бешеными его сыновьями скрестить дорожки пришлось как-то раз даже и моему папаше. Однако на внучке Арнгрима Хервор летопись прерывается и начинается что-то несусветное. Несколько поколений викингов – со все разжижающейся кровью альвов в беспокойных венах – убивали братьев, отцов и друзей за проклятый клинок. Затем он вроде бы и впрямь достался великому гунну Атилле, однако после битвы на Каталунских полях вновь перешел во владение вестлендеров. На несколько веков след меча теряется, а всплывает уже в детских побасенках и спекуляциях мошенников от истории. Мол, меч вернулся на родину с князем Рюриком и братьями его Трювором и Синеусом, а затем угодил во Францию как часть приданого дочери Ярослава Мудрого. Во Франции успела его вздеть хрупкая рука девственной Жанны, воздела, да только не удержала. Египетский поход Наполеона, опять же, вовсе не против турок и англичан был направлен, а против абиссинских пиратов, коварно похитивших меч у честного марсельского купца – потомка некоего барона де Реца. Созданная в тридцатых годах прошедшего века «Анэнербе» тоже вплотную занималась проклятым клинком, якобы почитая его германским наследием – стало быть, законным имуществом Третьего Рейха. Все это было скорее забавно, чем занятно, хотя некое зерно истины в человеческой болтовне имелось. Достоверно известно, что клинок помогал своему владельцу быстро вознестись над толпой – а потом служил причиной еще более быстрого и сокрушительного падения. И горе той стране, где у власти оказывался человек, одержимый Тирфингом. Молниеносный расцвет завершался неизбежными разгромом, и долгими – по человеческим меркам – годами расплаты.

Именно поэтому папаша мой сильно верил в германский след, и, особенно, в сокровище Отто Скорцени. Тайный схрон оберштурмбанфюрера он искал и в Германии, и в солевых копиях Австрии, и в Швейцарии, и в Испании, облазил все альпийские озера – проигнорировав лишь Новый Свет, хотя лично я бы поставил на Аргентину. Однако батюшка считал, что дедово изделие не покинет старушку-Евразию. Отец спонсировал и работу Вальтера Хорна³ – однако

¹ По легенде, меч Тирфинг был откован мастерами Дьюрином и Двалином для князя Гардарики (тогдашнее название Киевской Руси у северных народов) Свафрлами, внука Одина. Тирфинг наделял своего владельца необычайным воинским умением, никогда не ржавел и не затуплялся и с равной легкостью разрубал железо и камень. Однако, поскольку князь силой вынудил мастеров работать на него, кузнецы прокляли меч. Тирфинг не возвращался в ножны, не отведая крови, и должен был стать причиной трех великих злодеяний. В других вариантах легенды, меч неизменно приводил хозяина к гибели.

² Берсерк Арнгрим отобрал меч у Свафрлами в поединке. Впоследствии меч перешел к старшему сыну Арнгрима Ангантиру. Ангантир и его одиннадцать братьев были убиты в поединке на острове Самсо шведским героем Хьялмаром и его норвежским побратимом Орвар-Оддом. Причиной поединка стало соперничество между вторым сыном Арнгрима, Хьорвардом, и Хьялмаром за руку шведской принцессы Ингеборг. Сам Хьялмар был смертельно ранен в схватке мечом Тирфинг. Умирая, герой пропел прощальную песню и попросил Орвар-Одда доставить его тело в Уппсалу, к Ингеборг. Орвар-Одд исполнил просьбу побратима, а заодно захоронил проклятый меч в одном кургане с телами сыновей Арнгрима. Спустя несколько лет дочь Ангантира, Хервор, отправилась на Самсо и добыла Тирфинг из кургана.

³ Вальтер Хорн – немецкий историк, сотрудничал с американской разведкой после Второй Мировой войны. Занимался поисками пропавших сокровищ нацистского Рейха.

ничего, кроме золота, немец не обнаружил, да и то досталось в результате зальцбургскому архиепископу. Если бы за Святым Граалем гонялись с таким же усердием, как отец мой за проклятым клинком, реликвия давно бы уже была обнаружена, благоговейно отполирована и выставлена в Лувре на всеобщее обозрение.

Как я уже говорил, в истории этой ничего нет нового – она стара, как утесы Нидавеллира. Однако, уже завершая наше чаепитие, хозяин обронил пару слов, заставивших меня насторожиться.

– А еще Володька рассказывал, – пропыхтел Афанасьич, истово дую на блюдец с чаем, – у всех этих, проклятых, которые меч полапали. На ладони у них черное родимое пятно, примерно со старые пять копеек величиной.

А вот этого досужий болтун уже никак знать не мог. Я вспомнил ладонь деда, ладонь левую – дедуня у меня левша – ладонь мозолистую и твердую, как чугунная болванка. В центре этой ладони, пятном окиси на благородном металле, чернело большое пятно. Как раз величиной с советскую пятикопеечную монету.

– Так, – сказал Ингри, когда я закончил рассказ.

В глазах у него загорелись два азартных огонька – как и всегда, когда ему предстояло решить задачу, не имеющую решения.

– Как так?

– Раскладываем по полочкам. Карл перед смертью говорит тебе о том, что на него давят – раз. Причем не на него одного, а «на нас». Тут, конечно, может сказаться и вечная их привычка к круговой поруке, но если «нас» – это не просто СК-Банк и прилегающие к нему организации... Уже интересно. Два: Касьянов намекает тебе о какой-то предстоящей перемене власти. Три: через тебя силовики пытаются выйти на Тирфинг. Что мы имеем в сухом осадке?..

– Стоп, стоп. Разогнался. Какая перемена власти? Ну, сболтнул мой Афанасьич что-то такое сдуру, сменят им генерал-полковника на генерал-лейтенанта...

– А не скажи. Тебе ситуация в России кажется стабильной?

Куда уж стабильней. У власти больше четверти века сидела кучка темных дельцов, в народе именуемых олигархами, а в более компетентных кругах – некромантами. И распухший упырь, которого эта компашка дергала за ниточки, никуда со своего поста уйти не мог: хотя бы потому, что способность к самостоятельному передвижению давно утратил.

– Ну разве что труп совсем уж очевидно начнет разлагаться. Хотя нет, таксидермисты у них отличные еще со времен Третьего Отделения.

Ингри хмыкнул и положил на сцепленные пальцы подбородок, девственно гладкий после многочисленных сеансов электролиза.

– Представь, что кого-то эта ситуация перестала устраивать. И мы даже знаем, кого. Нет, имя я пока назвать не могу, но это может быть любой безвестный подполковник, да хоть твой Касьянов. Тут важны не люди, а организации.

– Полагаешь, чтобы скинуть труповодов, ему понадобился Тирфинг? Из пушки по воробьям...

– Нет. Я полагаю, что Тирфинг ему понадобится для того, что за свержением труповодов последует.

И тут уже я призадумался. Что-то за всем этим заговором теней ворочалось в окончательном и беспросветном мраке, что-то большое и неприятное. Я был свято уверен, что труповоды и силовики – близнецы-братья, даже, скажем прямо, близнецы сиамские, с двумя куриными башками и одним огромным желудком. Просто так саму себя эта птица жрать не станет, но вот если кто-то со стороны решился покуситься на курьеголового дракона, отсечь одну – а то и обе – башки... Тут бы Тирфинг – меч, с равной легкостью рассекающий железо, дерево, камень, и человеческую душу, и душу бессмертного – очень пригодился.

– Хорошо. Допустим. Я-то во всей этой истории с какого боку припека? Если касьяновский дружок и вправду пронюхал что-то о Тирфинге, почему бы им самим до него не добраться?

– А вот этого я тебе не скажу. Не знаю. Скажу другое: Господь смертных, как известно, хранит детей и пьяных, но ты еще не пьян и уже не дитя. Так что держись-ка ты от неприятностей подальше. Лучше всего – сворачивай наш бизнес в России и возвращайся домой. Если в мире опять всплывет Тирфинг, я лично предпочту отсидеться под землей.

Прежде чем я придумал ответ на эту паникерскую тираду, за спиной Ингри захихикало и жеманно просюсюкало по-арабски:

– Амосик, милый, ну ты там скоро? Пора в кровать.

На заднике нарисовался юный Юсуф – одна из причин, по которым отсидеться в Нидавеллире Ингри не светило. Я постарался не подать виду, что заметил дружка моего консьерже, но все же что-то такое на роже у меня, наверное, промелькнуло.

Ингри дернулся, а потом скривил губы в глумливой усмешке.

– По крайней мере, я, в отличие от почтенного Мастера Ингве, не страдаю некрофилией и эдиповым комплексом в особо тяжелой форме.

И отключил камеру.

Очень вовремя – ведь проклятие старшего из наследников Дьюрина вполне способно поразить и через всемирную сеть.

Следующая ночь застала нас – меня и Нили – в Сокольниках. Говорили, что в этом году кроты там особенно расплодились и изрыли все газоны. Пока я сидел на пенечке и любовался ковшом Большой Медведицы (в нашем фольклоре она именуется Тачкой, что отпугнет любого склонного к созерцанию полных ночных небес романтика), Нили усердно орудовал лопатой. Не успел я вдоволь насладиться звездным великолепием, как Нили бросил лопату и вручил мне теплый бархатный комочек. Кроты – не самая высокотехнологическая связь с подземельем, зато, как ни странно, самая быстрая. Протянуть кабель в чертоги Нидавеллира пока что никто не догадался. Да и стоит ли? Я нашептал кроту свой приказ и выпустил зверька. Через три дня Ингвульф, мой первый капорезиме, будет в Москве. А я в это время буду уже в Непале – куда, по словам Касьянова, пять лет назад удалился наш собиратель древностей.

«Sea King», задыхаясь и покашливая, дотащил нас до трех с половиной тысяч метров и тяжело опустился на плато. Пилот заявил, что лететь дальше на такой высоте и при встречном ветре отказывается – боится, как бы не накрылся двигатель. По плато несло мелким колючим снегом, выпавшим в этом году чуть ли не на два месяца раньше обычного. Близилась ночь. Мы выгрузили вездеход «Витязь» на гусеничном ходу, заблаговременно приобретенный у знакомых барыг с екатеринбургской базы. Вездеход, конечно, не помог бы нам добраться до монастыря, прятавшегося высоко в скалах – однако, прежде чем ломиться туда, имело смысл слегка осмотреться.

Ингри ухитрился проследить передвижения клиента – бывшего капитана советской армии Всеволода Петровича Гармового – до этого самого монастыря с маловнятным названием Недонг. Обычно Ингри достаточно пообщаться с ребятами из компьютерного отдела, поддерживающими плотную связь с теми службами, которые собирают данные по использованию кредитных карт и информацию о регистрации пассажиров. Нынешняя задача, однако, оказалась сложнее. Таинственный капитан за все платил наличностью, а, очутившись в Непале, избегал встреч с соотечественниками и назойливого внимания иммиграционных ведомств. Пришлось обращаться к помощи краснохвостых соек, по-местному именуемых кингуцу. Сойки – дальние родичи ворон, с которыми наша наземная разведка сотрудничает давно и плодотворно. Нельзя сказать, что ворона или сойка – самое незаметное средство наблюдения. Когда за тобой

настойчиво следует стайка горляющих соек, поневоле задумаешься: то ли ты в кармане куртки позабыл горсть орехов, то ли твоя прическа напоминает им родное гнездо, то ли дело нечисто. Карлики-цверги для подобных целей используют мясных мух, что намного практичней. Однако отношения между свартальвами и потомками Мотсогнира далеки от дружеских: мы вытеснили цвергов почти со всех их исконных территорий, заставляя ютиться в заболоченных штольнях у самой поверхности, или, наоборот, на ледяной границе Нифльхейма. Говорят, что самые отчаянные устраиваются даже на окраинах эрликова царства⁴. Правда это или нет, но любви между нами издавна не водилось, так что ни о каком обмене информацией можно было и не мечтать. В любом случае, здесь речь шла не о прямом наблюдении, а о событиях пятилетней давности, и тут уж представителям вороньего племени нет равных. Память у них острая и фотографическая. Да, русский путешественник объявился в долине и, да, выспрашивал дорогу к монастырю. Если он и спустился обратно с гор, сойки этого не видели, так что Всеволод наш Петрович либо сгинул на пятикилометровой высоте, где располагалось святилище, либо подался в монахи, либо перевалил хребет и долго шагал пустынными перевалами, пока не выбрался на китайскую сторону. Китайские сойки и вороны сотрудничать с нами отказывались: у них имелся договор о неразглашении с правительством КНР. Учитывая массовую зачистку рисовых полей от воробьев, пернатых я понимал, сочувствовал и давить на них пока не собирался.

Монастырь Недонг в долине пользовался недоброй славой. Местные говорить о нем отказывались, а если и говорили, то лишь в том ключе, что, мол, держались бы вы, белолицые, от этого местечка подальше. Если верить сойкам, Владимир Петрович мотивировал свое желание ознакомиться со святыней жаждой духовного просветления. Глядя на смуглые и неодобрительные лица обитателей долины, я в святости горного приюта и душеспасительных намерениях нашего путешественника сильно усомнился.

Внизу вовсю зеленели и буйствовали джунгли, а здесь поземка секла лобовое стекло вездехода. И без того невысокое закатное солнце так надежно было закрыто западными хребтами и тучами, что я даже пожалел о деньгах, потраченных на установку тонированных стекол, щитков и инфракрасных камер. В водительском кресле сидел Нили, а я устроился сзади и внимательно изучал разворачивающийся перед нами скалистый ландшафт. Абсолютно ничего интересного в ландшафте не было – скалы и скалы, с нависающими над ними более мощными вершинами, укрытыми полотнищами ранних снегов. Лишь однажды мелькнуло корявое деревце, украшенное, по обыкновению, желтыми молитвенными лентами – единственное пятнышко цвета в черно-белом пейзаже.

Если бы монастырь находился где угодно, а не в Гималаях, намного проще и безопасней было бы добраться по нему подземными тропами. Однако азиатские хребты с недавнего времени для нас закрыты. Царство Эрлика, изначально располагавшееся под Алтаем, разрослось до безобразия, захватив Тянь-Шань, Памир и горные районы Тибета. Это было обидно, это было разорительно – мы теряли старые шахты одну за другой – и, наконец, это становилось просто опасно. Если беззаботный путешественник отправлялся на прогулку по одному из больших азиатских туннелей и ненароком сворачивал не в тот коридор, больше его уже не видели. Самое обидное, что Эрлик изначально был из наших. Альв-полукровка, более известный во времена моего деда под именем Альрика Сладкоголового, достаточно намутил воды, чтобы асы наконец обозлились и устроили на него настоящую охоту. Тогда-то он и подался в гуннские степи, а впоследствии откочевал за Урал. Не знаю, чем уж он так поразил тамошних шаманов – язык у мерзавца, по словам деда, был острее змеиного жала – однако те в испуге объявили его богом смерти и принялись приносить ему человеческие жертвы. Надо сказать, что век полукровок долог, долог, но не бесконечен. По всему, Альрику-Эрлику уже давно пора было упокоиться

⁴ Эрлик – владыка мертвых в алтайском фольклоре.

в могиле, однако тот и не думал помирать. Что неудивительно, поскольку жертвенная кровь – один из немногих способов раскатать жизнь полукровки до пределов, почти сравнимых с нашей вечностью.

Через пару часов поземка улеглась, а на утесе впереди затемнели какие-то пятна. Это была деревня шерпов, последнее в здешних краях людское поселение перед монастырем.

В хижинах помаргивали огни. Последним усилием наш «Витязь» вскарабкался по узкой дорожке к тому, что здесь считалось деревенской площадью, и Нили заглушил мотор. Против ожиданий, местные жители не высыпали из домов встречать чужаков, не приветствовали нас ни хлебом-солью, ни ружейными выстрелами. Было тихо. Было слышно, как на краю деревни гулко бухает здоровенная, судя по голосу, псина, и как снег скребется о стены построек.

– Что они все, вымерли? – проворчал Нили, выскакивая из вездехода. УЗИ, до этого лежавший на пассажирском сидении рядом с ним, телохранитель прихватил с собой.

– Спрячь автомат, – посоветовал я, открывая дверцу.

Будто в ответ на вопрос Нили, дверь ближайшего дома открылась и на пороге показался старик – а, может, и старуха, под несколькими слоями одежды не разберешь. Нили, все еще ворча, спрятал автомат под куртку. Старик спросил что-то на кангпо, которым ни я, ни телохранитель не владели. Увидев, что мы не понимаем, он помахал рукой, повернулся и скрылся в своем жилище.

– Будем считать это приглашением, – сказал я, и, закинув за плечи свой рюкзак, последовал за стариком в дом.

Старик оказался молодой и миловидной женщиной по имени Тенгши. Она разделяла дом с маленьким сыном и престарелыми родителями. Отец ее с грехом пополам говорил по-китайски, и мы выяснили, что муж Тенгши погиб в горах при темных каких-то обстоятельствах. Семья, как и весь их поселок, жила разведением яков.

Мы сидели на циновке. Электричества в поселке не было. Нили предложил притащить лампу из вездехода, но мне хватало и света масляного светильника. Нили всю уплетал лапшу из большой миски. Мне, как почетному гостю, выдали алюминиевую ложку, на которой, присмотревшись, я обнаружил клеймо Нижневартовского посудного комбината. Неисповедимы пути кухонной утвари. А, быть может, этой самой ложкой трапезовал капитан Гармовой, и оставил ее в наследство гостеприимным хозяевам? Я уже представил, как бравый вояка извлекает ложку из-за голенища армейского ботинка и протирает ее специально для этого хранимой ветошкой – но в ходе беседы выяснилось, что чужеземец в поселке не останавливался. Это меня малость насторожило: либо он нашел другую дорогу к монастырю, либо никогда и не собирался в эту нифлингову обитель и лишь отвлекал внимание от своей истинной цели. В любом случае, есть вероятность, что мы потеряли след – тогда поиски придется начинать заново.

Пока Нили насыщался, а я задумчиво прихлебывал чаек с тусклыми поплавками жира, из угла на нас таранился малыш Аншти. Круглые черные глазенки мальчика возбужденно поблескивали. За всю свою короткую жизнь он впервые видел чужаков. Даже люди из долины не заходили в это богами забытое местечко, предпочитая осуществлять торговые сделки в одном из нижних поселений.

Когда трапеза завершилась и разговор о здоровье родственников и скотины пошел на убыль, хозяева деликатно оставили нас одних. Нили немедленно растянулся на циновке. Я вынул из рюкзака карманное зеркальце и при неярком свете принялся соскребать отросшую за день щетину. Телохранитель мой возмущенно фыркнул. Сам он, как только мы покинули цивилизованную Европу, отринул всякое подобие маскировки и немедленно заплел бороду и волосы на затылке в традиционные косы.

– Ну что ты ворчишь? Хочешь, одолжу бритву, у меня и запасная есть, – поддел его я. – Тебя снежком присыпать, и как раз выйдет любимый местными сочинителями йети.

– Ты, Мастер Ингве, конечно, умный и все такое, – пробурчал Нили. – А только не свартальв ты. Нету в тебе истинного разума, и весь сказ. Ты бы еще волосы на спине обрил.

– Нили, – вздохнул я. – Вынужден тебя разочаровать, но у меня на спине нет волос.

– А я о чем? Да ты на рожу свою голую, Мастер Ингве, полюбуйся. Не знал бы я твоего батюшку и твою почтенную матушку, точно решил бы, что с босяком – альвом путешествую. Да Хель меня заberi, даже этот пидор Ингри...

Тут его ворчание стало неразборчивым. Я послушно посмотрел в зеркало. Из темного стекла пялилась на меня угрюмая и тощая рожа, какой у свартальва быть не должно. Странно-светлые глаза – как вкрапления серебряной жилы в прибрежном суглинке. Хорошо хоть кожа смуглая и волосы черные, а то и вправду от верхнего альва не отличишь. Где основательность черт, будто из базальтовой глыбы выбитых зубилом, привычным к сотворению каменных идолов? Из дешевой металлической оправы смотрело лицо Инфвальт – лишь пошире лоб и резче скулы. Недаром гадюка-Ингри утверждал, что странная, неестественная моя любовь к матери – всего лишь запущенный случай нарциссизма. Я хмыкнул и запихнул зеркало обратно в рюкзак. Вытянулся на циновке, закинув руки за голову, и прикрыл глаза. И совсем было собрался уплыть в подгорное царство: уже чудились высокие своды и стены в прожилках кварца, железняка и халькопирита, и вечно озабоченное лицо матери – но вот сейчас она увидит сына, и морщинки у переносицы разглядятся – когда кто-то подполз из темноты и дернул меня за штанину. Пока я раздумывал, какое высокогорное чудище могло забраться в хижину, в полумраке блеснули круглые глаза Аншти. Малыш дернул еще раз и настойчиво потянул к двери, шепча: «Катонгуп. Ама. Ама». На всех человеческих языках слово это звучит примерно одинаково.

Тенгши ждала на засыпанной снегом веранде. Женщина куталась в толстый платок, и все же, видно, ей было холодно. Я предложил хозяйке свою куртку, но она только покачала головой, приложила палец к губам и указала на перевернутое корыто. Я смахнул снег и уселся, неудобно подогнув ноги. Ветер завывал в километровой пропасти за селением, гремел листьями жести на крышах. Тенгши присела на корточки рядом с корытом и вдруг явственно прошептала по-английски:

– Не ходи к монастырю.

От удивления я распахнул рот, и туда тут же ворвался ледяной сквозняк. Я закашлялся – но, заметив ее расширившиеся глаза, тут же прикрыл лицо ладонью.

– Ты говоришь по-английски? Почему же раньше?..

Тенгши покачала головой.

– Это секрет. Я не могу сказать родителям, иначе они меня проклянут. Я хочу убежать отсюда и взять с собой сына. Я устроюсь внизу работать в баре или уплыву на пароходе. На теплом берегу много баров и туристы очень щедрые, а тем, кто говорит на их языке, платят больше. Я буду посылать деньги отцу и матери, а потом и их заберу отсюда...

Я представил, кем бы могла стать на теплом берегу хорошенькая горянка, и мне стало не по себе. Это как же должна задолбать жизнь на этой высоте, чтобы согласиться улаживать щедрых туристов по барам?

– Как ты здесь выучила английский?

– Меня учил один... человек.

Тенгши опустила голову, так что ее черные косы выскользнули из-под платка и упали ей на колени.

– Из тех, что внизу, в барах...

– Нет!

Если шепотом можно кричать, то это было криком.

– Он благородный человек. Он великий охотник и святой...

– Монах?

– Нет, он не монах. Он святее любого монаха, он – настоящий махатма. Он лечит голосом и прикосновением, и в его сердце нет страха. Он отомстил Тени за смерть моего мужа.

– Постой, постой. Какой Тени? Разве муж твой не разбился, упав со скалы?

– Так старшие велют говорить чужакам. Раньше у нас было много... какое это слово... поднимающиеся на горы...

– Скалолазы?

– Да, скалолазы. Из Америки, из Гоа, отовсюду. Мой муж был проводником и много получал за свою работу. Однажды, когда Ангшти только родился, мой муж повел группу в горы. Мы знали, что в горах появилась Тень, но дело было днем, весной. И никто не думал, что она решится напасть на несколько человек. Мой муж не вернулся, и не вернулся никто из тех, что пошел с ним, и с тех пор Тени хозяйничают на вершинах. Если человек из поселка гонит яков на продажу, он может прийти обратно через три дня с выручкой, а может исчезнуть навсегда. Поэтому я говорю тебе – не ходи к монастырю. Там больше всего Теней.

– А что они делают, эти Тени?

Тенгши снова испуганно оглянулась, как будто ожидала, что из вьюжного мрака на нее набросится нечто. Даже мне стало зябковато. В вечных снегах и на кромке ледников обитают древние духи, и часть из них отличается скверным характером. Сверху снова грохнуло жестью. Тенгши вскочила и, кажется, готова была метнуться в дом, но я встал, обнял ее за плечи и произнес убежденно и спокойно:

– Не бойся. Никто тебя здесь не тронет.

Смертные верят таким вещам, особенно, когда их произносит рожденный в любой из частей Альфхейма. Очень часто это оказывается ложным обещанием, но я и вправду готов был защитить мою хозяйку от любых притаившихся в ночи страхов. Законы гостеприимства чтятся у нас свято. К тому же, я пока что слабо верил во всю эту историю с Тенями. Намного более вероятным казалось, что в горах угнездилась разбойничья шайка, которых со времен начала войны между Поднебесной и Лхасой становилось все больше. Где есть конфликт, там и мародеры найдутся, а заброшенное под облаками селение было совсем беспомощным. Разбойники вполне могли перейти границу, спасаясь от патрулей, и остаться в окрестностях деревни на зиму. Странно лишь то, что они задержались здесь надолго. Будь я грабителем, я нашел бы себе овечек пожирнее.

Я усадил Тенгши на корыто и укрыл ее плечи курткой, а сам присел на корточки напротив.

– Расскажи мне о Тенях и об этом... смелом охотнике и махатме.

Я не стал добавлять, что смелый охотник и махатма вполне мог оказаться предводителем шайки, положившим взор на симпатичную горяночку. Со времен распада Восточного Блока по Европе, Азии и Африке шаталось немало наемников, из тех, которые уже и сами не могли вспомнить, где их родина, и на каком языке звала их к обеду мать. Станным, опять же, было лишь то, что охотник действовал столь окольными путями. Знакомые мне представители этого племени, вместо баек о Тенях, просто-напросто перерезали бы всю родню Тенгши, а девчонку бы изнасиловали и утащили с собой.

Тенгши спрятала под куртку замерзшие ладошки и тихо заговорила:

– Тени водились на северном склоне с давней поры, и о них знали все старшие. Чудовища особенно сильны ночью, зимой – рассказывают даже, что, когда их становится особенно много, холода приходят раньше. Вот как сейчас. Но даже летом, даже при свете дня они опасны. Нам запрещено было играть далеко от поселка. У меня была младшая сестра, так она однажды погналась за ящерицей и забежала в скалы. Ее не могли найти три дня, а на четвертую ночь она появилась, и глаза у нее были черные, как душа Ямы. Отец схватил ружье и выстрелил ей в сердце. Я спала, поэтому только слышала выстрел. Мать не выпустила меня наружу, но старшая

сестра рассказывала, что отец отрубил Хайти голову и похоронил в камнях за деревней, а тело сжег.

Я тихо присвистнул. Неужели байки о Нифлингах так и будут преследовать меня всю жизнь?

Тенгши заглянула мне в глаза и покачала головой.

– Я вижу, ты мне не веришь. Мой старший брат тоже не верил. Он обругал отца. Они страшно поссорились, и брат ушел из дому. Он пошел в нижнее село, хотел наняться там работать в лавку. Когда спустя две луны отец спустился в нижнее село со стадом яков, он завершил сделку и направился в лавку – купить нам ткани на платья, а заодно помириться с Тейгеном. Но Тейген так и не дошел до нижнего села. Нет, подожди, не перебивай: я вижу, ты думаешь, что он выбрал другую дорогу и сейчас, может быть, владеет фермой в долине. Только здесь нет другой дороги вниз.

Помолчав, она продолжила еще тише.

– Тени играют с человеком. Они – неживые и внутри у них чернота, но они читают твое сердце, как Владыка Яма читает в душах умерших. Они могут прикинуться кем угодно: твоей любимой, или твоим старым отцом, или сыном...

Как мне повезло, мысленно усмехнулся я, что любимая и отец у меня покойники, а сына нет вовсе. Кто предупрежден, тот вооружен, как справедливо заметил какой-то из смертных конунгов.

– И, когда ты подойдешь близко, – говорила между тем Тенгши, – они выпьют твою душу, и на ее месте поселится пустота, и ты станешь одним из них.

Ох уж эти вампирские истории – до чего же люди на них падки. В Свартальфхейме детям тоже рассказывают страшные сказки про Нифлингов, тварей из пустоты, чтобы малышня не бегала по заброшенным шахтам и не ломала глупых своих шей в старых раскопах. Однако любой здравомыслящий житель Нидавеллира, которому стукнуло хотя бы две сотни человеческих лет, отлично знает, что Нифлингов в природе не существует. Пустота – это просто пустота, пропасть, расстояние между двумя краями ущелья, заполненное ничем. Туда можно упасть и переломать себе все кости, это правда, однако пустота не кинется на тебя и не высосет из тебя душу. Пустоте нет до тебя никакого дела.

– С Тенями понятно, – сказал я, и в моем тоне, должно быть, прозвучало столько скепсиса, что Тенгши обиженно дернула головой. – А что за охотник?

Женщина неожиданно улыбнулась. Полагаю, она не знала, что я неплохо вижу в темноте и смогу разглядеть ее улыбку. Так улыбаются, когда думают о возлюбленном.

– Он появился в горах вскоре после того, как исчез мой муж. Он спустился с вершины – по крайней мере, никто не видел, как он выходил из долины. Он пришел к старосте, уважаемому Сакья Ишнорти, и предложил избавить нас от Теней. Однако староста испугался и прогнал его, так как опасался, что охотник лишь разозлит Тени, и они нападут на деревню. Мои родители пустили охотника в дом, потому что семья наша все еще горевала по Пелбару, моему мужу. Пускай чужеземец и не мог справиться с Тенями, он хотя бы не потакал их бесчинствам. А потом мы поняли, что он и вправду способен справиться с порождениями зла...

– И как же зовут доблестного охотника?

– Он назвал мне имя, но оно не похоже на настоящее человеческое имя, поэтому я думаю, что настоящее он скрывает. Если о настоящем имени охотника прознают Тени, им намного легче будет заманить его в ловушку.

– И как же он назвался?

– Охотник попросил называть его Мистером Иаменом.

Иамен? Ничего, кроме английского «йомена», мне в голову не приходило. Кажется, Иаменом еще звали то ли негритянского, то ли индейского проводника из некогда прочитанной мной человеческой книжки, но вот охотник...

– Этот охотник – он белый? Европейец?

– Кожа его светлее, чем у тебя, и глаза светлее, а волосы черные с сединой. Да, я думаю, он европейец или американец.

Это было странно. Кажется, хозяйка моя сомневалась. Когда я только ступил в верхний мир, я часто путал белых с азиатами – но лишь потому, что все смертные казались мне на одно лицо. Сейчас я бы никогда не ошибся, а вот в голосе Тенгши уверенности не было. Однако кое-что в ее словах навело меня на мысли. Сроки появления таинственного охотника, по крайней мере, совпадали с восхождением в горы нашего любителя древностей. Я порылся в нагрудном кармане и вытащил распечатку той единственной фотографии капитана Гармового, которую мне удалось вытащить из армейских архивов. Фото было чуть ли не двадцатилетней давности и очень плохого качества, и все же...

Щелкнув зажигалкой, я осветил листок.

– Посмотри внимательно. Это, случаем, не твой Мистер Иамен?

Тенгши взгляделась, склонившись над фотографией. Ветер трепал выбившуюся из ее косы прядь, и за воротник куртки засыпался мелкий снежок. Взяв бумажку и повертев ее в плохо гнущихся от холода пальцах, женщина вернула листок мне.

– Это может быть он, но Мистер Иамен старше, и у него нету этих глупых планок... Он сказал мне как-то, что не любит военных...

Тут хозяйку, видимо, поразила какая-то мысль, потому что она вскочила с корыта и попятилась к двери.

– Что?

– Ты пришел, чтобы убить Мистера Иамена? Или увести его в долину и посадить в тюрьму? Я подумала, что эта машина, на которой ты приехал – это машина военных, и у твоего друга было оружие...

Я был настолько далек от такой идеи, что на мгновение растерялся. Резким движением скинув с плеч мою куртку и плеснув юбкой, Тенгши исчезла за дверью. Я остался, дурак дураком, на холодной веранде. Одно было понятно – утром нам придется отсюда убираться, и рассказов про охоту на Теней я не дождусь.

Хозяева пробудились еще до рассвета для привычного ухода за скотиной. Мы тоже не стали дожидаться восхода солнца. Я смущенно поблагодарил Тенгши и ее родителей на мандаринском диалекте (Тенгши на меня и не взглянула) и оставил им несколько смятых американских долларов и пачку непальских рупий. День мы провели в вездеходе, отогнав его от деревни на пару сотен метров – в тесноте, духоте и спровоцированной ими перебранке. Нили, разумеется, купился на историю с Тенями, как и положено всякому большому ребенку.

– Нили, – тщетно взывал я к его разуму, – легенды о подобных существах есть у всех народов, и каждому должно быть очевидно...

– Во-во, – перебил меня телохранитель. – если легенды есть у всех народов, каждому должно быть очевидно, что это не пустая болтовня.

– Нили, тебе сколько лет?

– Весной стукнет девятьсот пятнадцать, – гордо откликнулся детина.

– И за все эти девятьсот пятнадцать лет сколько раз тебе приходилось встречаться с Нифлингами?

– Ровно столько же, сколько с Вотаном и его Дикой Охотой. Однако ты же не сомневался в том, что Отец Битвы существует?

Если честно, и на этот счет у меня были сомнения, но я предпочел держать их при себе.

– Хорошо, – я попытался зайти с другой стороны. – Даже если допустить на минуту, что Нифлинги есть на свете и здешние скалы ими кишмя кишат – что нам-то они смогут сделать? Мы, как-никак, не дети и не невежественные крестьяне.

– А Нифлингам все равно, дитя ты, крестьянин или князь Альфхейма. Им, Мастер Ингве, надо жрать. А жратве, понимаешь ли, все едино, когда ее жрут – фазан она в перьях или лапша «Доширак».

«Доширак» меня добил.

– Ладно, – говорю, – если тебе так уж невмоготу и поджилки трясутся, иди обратно в деревню. Только пешочком, потому что вездеход я тебе не отдам.

Нили посмотрел на меня, как на полного идиота. И правда, глупая, детская выходка. Солнышко над нами светило ярче яркого, пуская веселые зайчики по склонам.

Разумеется, все истории о том, как прямой солнечный свет превращает свартальвов в камень – чистые побасенки. Однако прогулка под лучами полдневного светила и вправду не сулила нам ничего хорошего: судороги, слепоту, онемение конечностей вплоть до полного паралича. Отсюда, верно, и повелись рассказы про камень. С чего бы у нас развилась такая аллергическая реакция на невинный солнечный спектр – загадка, над которой уже который век бьются лучшие умы Свартальфхейма. Умы более практические, из интендантского ведомства, снабдили нас комбинезонами из светоотражающей – а заодно и маскировочной – материи, лыжными шапками и темными очками, закрывающими пол лица. И все же даже в таком наряде без крайней необходимости разгуливать при дневном свете не рекомендовалось.

Так мы и прогуторили до ночи. Когда на Гималайский хребет пали благословенные сумерки, мы приготовились к вылазке. Нили нацепил бронжилет, а меня заставил надеть под куртку мифрильную кольчугу – дедово наследство. Если честно, я и не сопротивлялся особо, поскольку мифрил весил на порядок меньше кевлара. Хотя и не упустил случая подколоть Нили:

– И как, по-твоему, эта древняя ветошь защитит меня от Теней?

– Никак, – хладнокровно ответил Нили. – А вот от автоматной очереди, которой нас вполне может поприветствовать капитан Гармовой или кто он там есть – очень даже.

Возразить было нечего. Оба мы взяли по автомату с запасными рожками и по пистолету, а Нили вдобавок еще закинул за плечи боевую секиру. Это я уже комментировать не стал, все равно бесполезно. Пыхтя, Нили повесил на другое плечо рюкзачок с инструментами, с которым не расставался ни в шторм, ни в штиль – и мы тронулись.

Дорога наша пролегла вверх, сначала по относительно ровной поверхности. Ровная поверхность, впрочем, была обманчива, потому что хранила осколки древних осыпей. Ступишь не туда – и покатишься кувырком по склону до ближайшей расселины. Потом щебеночные поля закончились и тропка – то, что Нили счел тропкой – запетляла между скалами. В небе высыпали звезды, маленькие и холодные. Ветра не было, и щеки даже под капюшонами курток ощутимо покусывал мороз. Я уже начинал завидовать Нили с его бородицей – сквозь такие заросли редкая пурга пробьется. Было очень тихо, так что падение каждого камешка из-под ноги пыхтящего впереди телохранителя звучало, как пушечный выстрел. Я научился двигаться бесшумно, когда гостил в зеленой Эйре у далекой родни. Племена Богини Дану все же намного ближе к асам и ванам, чем к черным или светлым альвам, потому в наших сварах хранят строгий нейтралитет – и совсем не прочь обучить молодого наследника Чертогов-Под-Горой кое-каким из своих трюков. Как раз сейчас, когда мы завернули за очередное скальное плечо, один из их трюков и пригодился. Нили, недовольно бурча, искал, куда бы поставить свою здоровенную ступню, когда я схватил его за плечо и прижал к скале.

– Что? – прошипел он.

На время вылазки мы договорились общаться по-русски – ибо, как ни прекрасно наречие Свартальфхейма, для быстрого обмена информацией оно не годилось. Немало битв было проиграно нами лишь потому, что командир тратил на проговаривание приказа в три раза больше времени, чем противная сторона.

Я молча выдернул пушинку из шерстяной опушки капюшона и подул на нее. Пушинка немедленно обернулась мошкой и полетела налево, за скалу.

– Что там?

– Там тепло. Похоже, костер.

Нили принялся и одобрительно кивнул головой.

– Хороший трюк. Хотя мы могли бы воспользоваться инфракрасными очками...

– Заткнись, – попросил я и опустил на четвереньки, так что макушка моя надежно скрылась за валуном. Нили поспешил присесть рядом. Так, прячась за камнями, мы добрались до небольшой площадки, где уже отчетливо пахло костром. Пригнувшись, я высунулся из-за валуна. Расщелинка между двумя высокими скалами была пуста, хотя в кострище еще пробегали искорки, и вверх от углей тянулся легкий дымок.

– Совсем недавно ушли, – прошептал Нили под ухом.

– Это я и без тебя вижу, – ответил я и пригляделся к моей мошке. Та, сверкая – ну точь-в-точь одна из выплюнутых костром искорок – облетела площадку и вновь вернулась к огню.

– Ну?

– Подковы гну. Ничего живого рядом больше нет.

– И это значит...

– Что рядом больше нет ничего живого и теплого.

– Как насчет мертвого и холодного?

Но я уже встал во весь рост и подошел к костру. Разгреб ботинком угли. Топлива было немного, так что костер и впрямь прогорел совсем недавно. Странно, что это вообще был уголь. Обычно местные обогревались чем-то вроде кизяка, а туристы – газовыми горелками. Принюхался. Поверх запаха гари ощутимо несло бензином, а из-под серого пепла высовывался кончик желтого пакета. Э, да здесь просто бивуак какой-то туристический затеяли: угольки из пакета, растопка. Кто бы тут ни резвился, явно это были не пресловутые Тени.

Нили подошел ближе и поинтересовался:

– Что дальше?

– Дальше...

Я снова задумчиво копнул ногой уголь. Следопыты из нас получились паршивые – это искусство не слишком-то нужно в подземных чертогах, где перемещаться можно только по прорезанным в камне коридорам, а коридоры все учтены и закартографированы. Однако ясно, что далеко от своего жилища – где бы оно ни находилось – Мистер Иамен с мешком углей уйти не мог. Если, конечно, топливом его не снабжали деревенские жители, что тоже вполне вероятно.

– Дальше...

Горла моего коснулось острое и холодное, и негромкий голос сзади сказал по-английски: «Не двигайтесь». Я не мог повернуть голову, чтобы увидеть, кто стоит у меня за спиной. Из всей силы скосив глаза, я обнаружил, что к горлу моему любовно прижимается лезвие катаны. Серебряное острие холодно поблескивало. Нили справа дернулся, но стоявший сзади спокойно сказал: «Вы, с бородой, бросьте автомат, секиру и что еще у вас там есть, и перейдите на ту сторону кострища». Нили уставился на меня. Хотел бы я оглянуться на того, кто так ловко нас подловил. Если бы в руках у него был европейский клинок, я легко бы мог кинуться в сторону, и деньки наглеца были бы сочтены. Однако остро заточенный японский меч к шуткам не располагает. Я чуть прикрыл глаза, и Нили, ругаясь на всех известных ему наречиях, принялся избавляться от оружия. Он бросил на камни лязгнувший автомат, с ворчанием скинул с плеча секиру и уже сделал шаг вперед, когда стоящий у меня за спиной насмешливо прищелкнул языком. Нили вытащил из-под куртки пистолет и присоединил к УЗИ и секире. Снова дернулся перешагнуть костер, но неизвестный наш противник сказал тихо и убедительно: «У вас еще наплечная кобура, метательный нож в рукаве и два пехотных ножа в ботинках». О ножах

в ботинках, кстати, не знал даже я. Проклятия Нили сделались так ужасны, что у живых и лежащих в могиле предков моего пленителя волосы должны были встать дыбом и трепещущая плоть отслоиться от костей. Когда груда оружия заметно подросла, Нили наконец разрешили отойти. Он встал напротив, с ненавистью глядя за мое левое плечо. Жаль, что я не мог увидеть отражения в его глазах. Судя по углу, под которым располагалась катана, противник был ниже меня ростом. Рука, освободившая меня от автоматного ремня, а затем старательно обшарившая мою куртку и карманы штанов, оказалась небольшой, но крепкой.

Когда я был избавлен от всего, что хоть отдаленно напоминало оружие – включая, кстати, и электрический фонарик – стоявший за моей спиной сказал: «Теперь можете медленно обернуться». Лезвие слегка отодвинулось, но отнюдь не опустилось. Я сжал зубы и медленно развернулся. В глаза мне ударил яркий электрический луч. От неожиданности я вскрикнул и отшатнулся, закрыв лицо рукой. Если бы пленитель мой вовремя не убрал клинок, с запястьем и правой кистью я мог бы распрощаться.

– Реакция зрачков нормальная, даже слишком, – задумчиво произнес он тоном профессора-окулиста, осматривающего больного глаукомой. – У вас повышенная светочувствительность? Много времени проводите в темноте?

Слегка проморгавшись, я сощурил ослепленные очи и уставился на говорившего.

Он и вправду был невысок, даже низок по человеческим меркам – мне под подбородок – и сложением хрупок. На покрытом альпийским загаром лице выделялись глаза, чуть выпуклые и очень светлые. Острый нос, тонкие губы, небольшой подбородок. Мелкие, нервные черты то ли школяра, то ли хищника из семейства куньих, и заметная проседь в волосах – хотя лицо его было молодо, лет тридцать пять – тридцать семь. Впрочем, я еще плохо умел определять возраст смертных. Такая же, как и на нас с Нили, куртка-ветровка, камуфляжные штаны, на ногах – армейские вибамы. Через плечо небрежно перекинута перевязь с ножнами от катаны. Он не был похож ни на охотника на вампиров, ни на махатму. И, как бы дурно ни пропечаталось имевшееся у меня фото, он точно не был капитаном Гармовым.

При более близком знакомстве человек по имени Иамен оказался гостеприимным хозяином. Убедившись, что Нили не намерен воспользоваться секирой по назначению, он разрешил ему подобрать оружие и отдал мне УЗИ и «беретту». Мы проследовали за новым знакомцем чуть выше в скалы и вышли к шалашу, сложенному из здоровенных каменных плит. В Средиземноморье в таких шалашах часто ночуют пастухи, а что делал шалаш в пустынных тибетских горах, неизвестно. Ясно одно – постройка была сложена задолго до того, как мистер Иамен пожаловал в эти края. У входа трепыхались традиционные желтые ленточки.

Внутри шалаша нашлось еще несколько мешков с углем, канистра с бензином, запас продовольствия и толстый спальный мешок. Имелся и сильный электрический фонарь, но мы удовольствовались светом от вновь разведенного костра. На огне мистер Иамен подогрел колобки из ячменной муки. Вдобавок к колобкам он оделил нас полосками сушеного мяса яка. Когда я слишком пристально уставился на пакеты с углем, хозяин наш пояснил:

– Не люблю навоза и керосина. Уголь я покупаю в лавочке внизу, а туда его доставляют со склада из долины. Я как раз возвращался из лавки с припасами, когда обнаружил здесь Тенгши. Вы совсем перепугали бедную девочку, и она не побоялась подняться сюда в одиночку и предупредить меня о вашем визите.

Значит, костер внизу был заранее запланированной ловушкой. Ничего не скажешь, умно. Иамен между тем продолжал:

– Бедняжка почему-то решила, что вы американские военные, и явились в горы затем, чтобы со мной расправиться. Представляю, как ей было страшно карабкаться сюда в одиночку. Домой, конечно, я ее проводил – хотя меня очень не любят в деревне.

Я хмыкнул.

– И, посветив мне в глаза фонариком, вы убедились, что Тенгши не права?

Иамен поднял голову и поглядел на меня через костер. Странное дело, но под взглядом его светлых глаз мне стало не по себе и шутить расхотелось.

– Посветив фонариком, я убедился, что у вас в порядке зрачковый рефлекс. Поверьте, не все, побывавшие ночью в горах, могут этим похвастаться. Что касается теории с военными – я пока не слышал, чтобы боевые секиры поступили на вооружение штатовского спецназа.

Лицо мое, наверное, закаменело, потому что он усмехнулся.

– Да, я понял, кто вы такие. И не удивлен. Поверьте, на своем веку мне приходилось встречать намного более причудливых... существ.

Нили утробно зарычал и злобно уставился на мистера Иамена. Ему не понравилось, что какой-то смертный нагло именуется «существами». Я успокаивающе положил руку ему на плечо.

– Что более забавно, это то что вы, Ингве, старший в паре – да, я сразу заметил. Вы ведь полукровка?

Теперь утробно зарычать захотелось уже мне, однако я ограничился смешком.

– Не вы первый так думаете.

– Я ошибся? Извините.

Вежливый. Вежливый смертный, запросто говорящий о своем знакомстве с чужаками. Умеющий опознать свартальва и даже заметить мою инаковость, и не побоявшийся приставить к горлу опознанного свартальва очень острый меч. Какие еще сюрпризы таились в этом маленьком человеке? Для проверки я закинул удочку:

– Вы всегда ходите по горам с серебряной катаной? Тенгши была, похоже, очень напугана рассказами о каких-то Тенях...

Смертный улыбнулся. Улыбка эта не коснулась глаз – просто уголки рта чуть поднялись вверх.

– О, Тени существуют, можете быть уверены. Что же касается моего меча – странно, что вы не захотели осмотреть его поближе, я слышал, свартальвы интересуются хорошей кузнечной работой...

Я мог бы заметить, что осмотрел меч достаточно близко – даже слишком близко, на мой вкус – но вместо этого молча принял клинок из рук хозяина. Меч, конечно, оказался стальным: редкое по нынешним временам изделие холоднойковки, с ручной заточкой и серебряным напылением. Самое оно для охоты на нежить...

– Значит, Тени есть. И вы вправду на них охотитесь?

– Должен же я чем-то зарабатывать на хлеб и уголь. Хотя как раз здесь мне платят не особенно охотно. Но в этих краях настолько сильное заражение, что приходится работать на добровольных началах.

Мистер Иамен так спокойно, между делом это сообщил, будто охота за Тенями – самое подходящее занятие для смертного. С другой стороны, что я знаю о Тенях и об охоте на них? И тут Нили, до этого слушавший наш диалог в угрюмом молчании, меня удивил. Он пнул ногой костер и обвинительно ткнул пальцем в мистера Иамена.

– Хватит впаривать нам пустую породу по цене магнитки! Скажите лучше, что вы просто застращали невежественных дурачков нелепыми сказками, чтобы тянуть из них последние гроши.

И это Нили, который битые сутки убеждал меня в том, что округа просто кишит Тенями! Прежде чем я успел привести его в чувство увесистым пинком, мистер Иамен насмешливо заломил бровь и спокойно ответил:

– Вам, Мастер Нили, угодно самому убедиться в существовании Теней?

– Да, нам угодно! – задиристо ответил мой телохранитель.

Я, если честно, не слишком удивился бы, если бы хозяин наш вдруг прошипел изменившимся голосом: «Так убедись же!» – и, перегнувшись через костер, выжрал бы из Нили душу. Вместо этого он разбросал угли и, подобрав лежавшую на камнях катану, встал. Не говоря ни слова, охотник на Теней развернулся и направился в темноту.

– Эй, вы куда? – удивленно завопил Нили.

Мистер Иамен оглянулся.

– Если хотите посмотреть, как это делается, идите за мной. Автоматы и прочий хлам можете оставить здесь, а вот секиру захватите.

Мы засели за камнями. Существо, расхаживающее внизу в бледном свете луны, человеком давно уже не было. Оно шагало неуверенно, спотыкаясь, загребая щебенку косолапыми ступнями и наталкиваясь на скальные обломки. Руки его болтались вне всякой зависимости от движений тела, а то, что некогда было лицом, по-мертвецки белело в сумраке. И еще у твари начисто отсутствовала аура. На месте ее оказалась холодная и внимательная пустота.

Скажу честно – это было не самым подходящим моментом для того, чтобы обнаружить, что Нили смертельно боится покойников. Рослый, могучий свартальв трясся, как малое дитя. Зубы его клацали так громко, что, обладай упырь внизу нормальным человеческим слухом, он бы давно нас заметил. Полюбовавшись с минуту, я обернулся к мистеру Иамену. Он внимательно наблюдал за умертвием и на нас не смотрел.

– Достаточно, – прошептал я. – Мы убедились. Давайте отложим охоту до другого раза.

Мистер Иамен оглянулся на меня, и я едва сдержал вопль. Вместо глаз на лице его посверкивали маленькие зеркала. Нили сзади задохнулся и жалобно застонал.

– Заткнитесь, идиот, это просто линзы.

Присмотревшись, я понял, что человек прав.

– Вы же не хрена не видите в них, – прошипел я.

– Все, что мне надо, я вижу прекрасно, и наружные органы зрения мне для этого ни к чему. Когда Тень захватывает новое тело, она всасывается в человека через глаза. Линзы защитят меня, хотя и ненадолго. Важно уловить тот момент, когда Тень покинула прежнее тело, и нанести ему такие повреждения, чтобы оно не могло больше функционировать. Например, отсечь руки, ноги и голову. Еще лучше разрубить пополам, но это требует уже определенной тренировки.

Опять он говорил этим несносным лекторским тоном, который я возненавидел еще со студенческой скамьи. Прежде, чем я успел спросить, что же предлагается делать нам, человек встал во весь рост и шагнул из-за каменной ограды.

Он шел легко, играючи, походкой опытного фехтовальщика, выходящего на арену для показательного поединка. Тень внизу прекратила свои бессмысленные блуждания. Невероятным движением существо вывернуло руки, развернуло шею на сто восемьдесят градусов – мне даже послышалось, как скрипнули терзаемые связки – и спиной вперед пошло на человека. Идя, Тень менялась. Я плохо видел происходящее, но мне показалось, что вокруг Тени возникло черное клубящееся облако. В первую секунду облако оставалось бесформенным, а потом спотыкающаяся уродливая фигура исчезла, и на месте ее появилась Тенгши. Она шла, протянув к Иамену руки, она ковыляла босиком по острым обломкам, спешила из последних сил, звала, жалобно распылив рот, молила о помощи. Тень набежала на Иамена, но едва различимым движением тот отпрянул – и сверкнула под луной серебряная катана, разрезая морок. Однако Тень была слишком быстра, и лезвие ее не задело. Облако схлынуло на мгновение, и снова показался нелепо корчащийся мертвец, и снова с жутким треском, описав полукруг, развернулась голова. Иамен теперь обходил Тень по все сужающейся спирали, чуть поводя острием катаны. Башка Тени следовала за ним. Вдруг, словно мертвецу наскучило ожидание, голова трупа качнулась из стороны в сторону, а затем бледный уродец пропал. Там, где он

стоял, объявился старик – самый неуместный здесь старик в фетровой шляпе и с тростью, с газетой под мышкой, похожий на пожилого школьного учителя. Подпрыгивающей походкой он заспешил к Иамену. Трость явственно стучала по камням. И снова – мгновенное соприкосновение, блеск меча, откат.

К третьей атаке Тень готовилась намного основательней. Мертвец встал на цыпочки, вытянулся, запрокинул башку к луне и завыл. Это был безнадежный и унылый вой. Нили снова застонал и заткнул уши. Ничего человеческого не было в этом вое, лишь монотонные тоска и угроза. Иамен, казалось, смущенный воем, отступил на несколько шагов, подняв перед собой катану. Рукоятку меча он держал обеими руками. Лезвие застыло вертикально у него перед грудью. Вес тела он перенес на левую, отставленную назад ногу, и застыл в этой странной позе. Тень опустила башку, перестала выть и, задрав вдруг руку, весело помахала охотнику ладонью. Двух пальцев не хватало – похоже, Иамен все же успел добраться до мертвеца катаной. Тень подняла уже обе руки, свела их на мгновение над головой, а затем опустила, расставив в стороны под прямым углом к телу. И закружилась в танце. И не Тень уже это была, а длинноволосая женщина – сложно сказать, молодая или старая. Ее широкая юбка вздулась колоколом, ноги выступали по щбенке мелко, тщательно и очень быстро. Она плясала вокруг Иамена, все сужая круги, а тот не двигался, лишь медленно поводил головой, не сводя с танцующей взгляда. Тень вскрикнула дико, торжествуя – и тут тучи закрыли луну. В полном мраке я различил только хриплый выдох Иамена и новый, торжествующий вскрик тени, а затем подобное змеиную шипение – и тут, врубаясь в плоть, хакнула сталь. Звякнуло стекло. Иамен закричал, и это был крик боли. Луна показалась снова, и в нелепом оцепенении я обнаружил, что на узкой площадке уже не две фигуры, а четыре. Одна из них была безголова, но две другие быстрой спотыкающейся походкой приближались к Иамену сзади, от дальних скал. Человек стоял, прикрыв глаза рукой и опустив катану, и не видел новых пришельцев. Безголовое тело рухнуло на камни. Иамен вытащил что-то из глаз, что-то, блеснувшее на его ладони двумя пятнышками мрака. Я все ожидал, что вот он сейчас обернется и заново начнет жуткий танец – но он не оборачивался, а двое были уже почти у него за спиной – и тогда, сорвав со спины причитающего Нили секиру, я кинулся вниз...

...и, споткнувшись, конечно же, о булыжник, загрохотал с невысокого обрыва. Пропахав носом щбенку, я сплюнул набившуюся в рот грязь и задрал голову. Надо мной возвышался мертвец. Покачивающаяся башка смотрела на меня задумчиво и как бы оценивающе. Я попытался нащупать рукоятку секиры, но секира отлетела в сторону. Мертвец нагнулся. Черные дыры глазниц надвинулись, задышали... Но тут маленькая крепкая рука схватила меня за шиворот и отшвырнула в сторону – да так основательно, что я со всего маху приложился спиной о скалу, и дух мой вышибло вон. Сморгнув набежавшие на глаза слезы и с усилием пытаюсь втянуть в легкие воздух, я смотрел, как мертвецы окружают Иамена. Судя по тому, с каким трудом ему далась первая победа, шансов у охотника не было. Я захрипел и попытался подняться. Не знаю, что толкало меня в этот чужой, вовсе не нужный мне поединок. Почему-то я не мог просто так наблюдать, как умирает разделивший со мной в своем доме трапезу человек – пусть трапеза и состояла из сухого ячменного хлеба, а дом был продуваемым ветром шалашом в горах. Иамен между тем выронил катану. Меч зазвенел о камни. Дело совсем плохо, подумал я и рывком вздернул себя на ноги...

...и опять ошибся. Иамен задрал голову к низким тучам, точь-в-точь как за несколько минут до этого тень, и завыл. Вой его был не менее тоскливым и яростным, но содержался в нем и некий членораздельный, хотя и непонятный мне приказ. Хлопнув ладонями над головой и уже знакомым жестом разведя руки, Иамен заплясал. Он плясал между двух подергивающихся мертвецов, и плясали вместе с ним скалы, в такт дыханию его двигалось небо, зеркальным глазом его, одним-единственным, была белая оскалившаяся луна. Плясали мертвецы. Я

ощутил, как и меня втягивает в страшный танец, и с огромным усилием заставил себя отвернуться. Негоже живому смотреть на пляску некроманта.

Из-за скал раздались отвратительные звуки. Нили рвало.

Глава 2. Монастырь Недонг

Обратно к шалашу мы мистера Иамена тащили практически на руках. Все-таки выплясать Тени из двух трупов зараз оказалось нелегкой задачей даже для некроманта его уровня. Смешно представить, как бы с этим разбиралась московская братия. Им-то едва хватает сил, чтобы всем ковром *водить* одного несчастного, никакой пакостью не одержимого мертвеца.

Если честно, больше всего мне хотелось запихнуть хозяина в его спальный мешок и потихому смыться. Но, во-первых, следовало признать, что я обязан мистеру Иамену жизнью. Если бы не его танец, шкандыбал бы я сейчас по горам, слепо натываясь на выступы сланцев. Во-вторых, Нили, доведенный событиями прошедшей ночи почти до истерики, категорически заявил, что без сопровождения некроманта он ни к какому монастырю не пойдет. Напрасно мистер Иамен, слабо и устало улыбаясь, пытался убедить его, что больше нечисти в округе покамест нет. Отчаявшись спорить с моим трясущимся и лягающим зубами телохранителем, мистер Иамен выдул полфляжки чистого спирта, обнаружившегося у него в записке, завернулся в спальник и заснул. Остатки спирта я отдал Нили, а сам уселся с секирой у входа в шалаш. На всякий случай.

День мы провели под прикрытием каменных плит. На рассвете из безопасной тени шалаша я наблюдал, как вьются над далекими снежными пиками почти прозрачные в утренней ясности духи ледников. Духов не волновали дела маленькой земли внизу – они были увлечены лишь своими бесконечными играми с потоками теплого воздуха, поднимавшимися из долины.

К полудню мистер Иамен проснулся. На сером его после вчерашнего лице даже появилась бледная краска. Я развел костер и подогрел ячменные колобки, и мы угостились скудным завтраком. Нили все жался вглубь шалаша, опасаясь зловредного излучения. Я же, наоборот, устроился у самой границы тени. Солнечный свет манил меня с детства, хотя я и понимал прекрасно, что не стоит поддаваться на этот зов сирены. Но, Фенрир меня задери, до чего же красиво!

Мистер Иамен внимательно наблюдал за мной из своего спальника. Наконец, откинув полость, он выбрался из пухового мешка и подошел ко мне.

– Вам, как я погляжу, нравится солнце? Нетипично для вашего народа.

Не оборачиваясь, я хмыкнул.

– Кончайте меня анализировать. Расскажите лучше про монастырь.

Мистер Иамен устроился рядом, положив подбородок на острые колени.

– Разрешите полюбопытствовать, а зачем вам вообще понадобился монастырь?

– А если не разрешу?

– Ваше право.

Я поморщился. Этот тихий человечек убивал меня своей вежливостью.

– Мы ищем одного... э-э... друга.

– Друга?

– Ага. По моим сведениям, он удалился в Недонг лет пять назад, дабы предаться размышлению и молитве.

Мистер Иамен негромко рассмеялся. Я обернулся к нему и недружелюбно на него уставился.

– Чего вы ржете?

– Из всех тибетских монастырей, которых, как известно, намного больше сорока сороков, Недонг, пожалуй, самое неподходящее место для перечисленных вами духовных практик.

– Это еще почему?

Мистер Иамен свел ладони перед лицом, так что низкое еще солнце устроилось на кончиках его пальцев.

– Некогда монастырь и вправду был известным религиозным центром для последователей Тзонг-капы. Лет, я бы сказал, по меньшей мере триста тому назад. Я заинтересовался этой обителью значительно позже, как вы можете догадаться. А интерес мой был вызван вот чем: концентрация Теней в окрестностях Недонга зашкаливала за все разумные представления. Такое количество можно встретить разве что в больших городах во время эпидемий, да и то вряд ли, потому что по неизвестной мне причине Тени не любят городов. Возможно, не хотят конкуренции с урбанизированной нечистью. Как бы то ни было, я провел небольшое исследование, и мне открылась необычайно интересная история. Один из здешних настоятелей, в восемнадцатом, кажется, веке, открыл... назовем это для простоты коротким путем к Нирване. Я не буду утомлять вас описанием ритуалов Гелуг-па: может быть, вам известна история о буддийских колесницах добродетели, может, нет, по сути это и не важно. Как бы то ни было, путем определенных очистительных техник ученик, вставший на путь Кунг-Нарья, достигал Нирваны, минуя всю необходимую цепь перерождений и ловко обходя кармический закон.

– Что же в этом плохого?

– Ничего особенно плохого, но, как и в любом шарлатанском средстве, в практике Кунг-Нарья имелось довольно основательное двойное дно. Бессмертным это понимать не обязательно, а вот любой смертный к зрелым годам, по идее, должен бы сообразить, что дешевых путей в вечность не бывает. Однако соображают, увы, немногие, поэтому учеников и послушников в монастыре было навалом. И настоятель действительно ловко спраживал в Нирвану их нематериальные сущности – для простоты будем считать их душами. Однако, душа-то в Нирване, а тело оставалось на грешной земле. Более того, в результате проведенных настоятелем ритуалов в тонком плане над ним открывалась здоровенная дыра, а через дыру жаловало в наш мир уже известно вам что. Настоятель, надо отметить, был не дурак и прекрасно понимал, что в стенах монастыря творить это безобразие невместно, иначе его же первого Тени и заедят. Недонг вырублен в скалах, и единственный вход в него – весьма длинный и узкий туннель в сплошном горном массиве. Так вот, настоятель покрыл стенки, пол и потолок туннеля зеркалами. Самый верный способ уловить Тень – это поймать ее в коридор между двух зеркал. Таким образом, настоятель устроил настоящую полосу препятствий, которую не могла пересечь ни одна Тень. Кандидатов в Будды почтенный святой выводил за стены монастыря в особую ритуальную беседку, быстренько проводил обряд и сматывался обратно в скалу. Душа посвященного удалялась в Нирвану, а тело отправлялось бродить по горам и мордовать ни в чем не повинных крестьян.

– Лихо, – ухмыльнулся я. – А настоятелю-то какая со всего этого была выгода? Ученики, что ли, отписывали ему свои состояния? Или у него был договор с Тенями на поставку свежих трупов?

Иамен, шурясь на ярко блестящий ледник, пожал плечами.

– Вот уж этого я не знаю. По-моему, почтенный занимался своими темными делишками из чистой любви к искусству. Иначе зачем бы ему попросту не проводить ритуал в зеркальной комнате?

– Хороша любовь.

– Каково искусство, такова и любовь.

Этого я оспорить не мог.

– И что же случилось с учителем мудрости?

Иамен обернулся ко мне, вновь улыбаясь своей не затронувшей глаз улыбкой.

– Говорят, что один из учеников – по слухам, некогда славный Охотник – разбил все зеркала. Память у одержимых Тенями неважная: они сохраняют лишь смутные образы своего человеческого бытия. Но ритуал, проводимый учителем, был, видимо, очень запоминающимся.

Меня так и подмывало спросить, а не наш ли хозяин тот самый знаменитый охотник – однако по всему выходило, что нет. Если верить сведениям из долины, монастырь пустовал больше сотни лет.

– И что же, с тех пор тут царит запустение и безлюдие? Цирк уехал, клоуны разбежались? Не уверен, что мистер Иамен был знаком с идиомой, и все же суть он уловил верно.

– О, отнюдь. Цирк приехал как раз после того, как Тени разобрались с просветленным ламой. В опустевших человеческих постройках с дурной историей очень любят селиться драконы. Вот и сюда заселился дракон. Если я не ошибаюсь, обитает он в монастыре и сейчас.

Должен признаться – при этих словах я отвалил челюсть.

История свартальвов и драконов уходит в темное и мрачное прошлое, в то прошлое, когда облик земли еще не был окончательно определен всполохами древнего огня и ударами молота. Почти в любой саге о моем народе вы встретите древнего ящера, который только и ждет, как бы покуситься на сотворенные искусными кузнецами сокровища. Большая часть этих рассказов, конечно, брехня. К примеру, так и не доказано, что меч Наглинг – последний из наших великих мечей – погиб в поединке между ловким проходимцем Беовульфом и терроризировавшим его готское королевство змеем. В то же время история Фафнира и Зигфрида правдива, насколько может быть правдива людская хроника. С Фафниром довелось встретиться и моему деду – естественно, до того, как германец прикончил ящера и подзакусил его языком.

Достоверно известно о драконах немного. Так, ни один дракон никогда не скажет слова правды, кроме тех слов, что произносит при последнем издыхании. Многие из европейских героев, окончательно запутавшиеся в собственных подвигах и причудливых извивах шаловницы-судьбы, только затем и охотились на драконов, чтобы услышать это последнее изречение. Столь многие, что в Европе драконов извели задолго до моего рождения. Если честно, и я не знал, что в Тибете они до сих пор благоденствуют.

Между тем, Нили, до этого прислушивающийся к нашему разговору без особого интереса, при слове «дракон» подобрался ближе и радостно зарычал. Ему, как и всякому воину, одержимому жаждой подвигов и бессмертной славы, не терпелось сразиться с чудовищем и испытать, наконец, всю мощь наследственной секиры. Меня купить было чуть труднее.

– Дракон? Почему же в долине о нем ничего не слышали? Да и в поселке Тенгши... Разве не пристало ящеру вылетать из горы в дыму и пламени и пожирать беззащитных путников?

Мистер Иамен тихо засмеялся.

– Мастер Ингве, у вас такие детские представления о драконах. Драконы – порождения древнего хаоса, существовавшего задолго до того, как вода отделилась от неба и тверди. Хаос – их первородная стихия и среда обитания. При драконе монастырь процвел. Конечно, здешний дракон был не столь дураковат, чтобы предстать людям в своем истинном обличье. Он прикинулся буддийским монахом, последователем Пути Добродетели, и лет двести назад тут все кишело Желтыми Шапками. Они развили разнородную деятельность, сколь бурную, столь и бессмысленную. Драконы вообще любители ритуалов, ибо, как правило, ни на что не тратится столько энергии при таком ничтожно малом выходе, как на религиозный ритуал. А ящеры – верные адепты первого закона энтропии. Половина китайских церковников и бюрократов – замаскированные драконы. И, если честно, я совсем не уверен, что в других частях света дела обстоят иначе.

– Все страньше и страньше, – пробормотал я, вспоминая знакомых мне чиновников шведского посольства. Ох, чует сердце, драконами там так и пованивает. Мистер Иамен продолжал:

– Здешний дракон, увы, был довольно молодым и неопытным змеем. Его старшие коллеги ухитряются протянуть в своих епархиях тысячелетиями, да еще и организовать попутно парочку новых сект. А местный сиделец просто-напросто проголодался. Так что в один прекрасный день он сожрал всех монахов и всю скотину. Видимо, родители предупреждали бед-

нягу, что после таких эксцессов лучше залечь на дно на несколько столетий. Вот он и притаился. Иногда сюда забредают туристы, скалолазы, порой через горы гонят караваны скота или грузы оружия – тут уж он отводит душеньку. Но вообще это необыкновенно смиренный дракон. За все то время, что я здесь ошиваюсь, он ни разу не покинул обители.

– Почему же вы так уверены, что он все еще там?

Некромант легко прищелкнул пальцами. Налетевший ветерок шелестнул желтыми молитвенными ленточками.

– У меня есть свои способы.

И я ему поверил.

Туннель, ведущий к монастырю, оказался всего-то навсего узкой расщелиной, заросшей к тому же неведомо откуда взявшимся здесь кустарником. Без помощи мистера Иамена мы бы его ни за что не нашли. Я наполовину ожидал увидеть покрытую слизью и чешуей дорожку, ведущую к черной дыре – так, по крайней мере, описывались драконьи норы в наших легендах. Однако ни обожженной земли, ни обьеженных трупов, ни рыцарских скелетов в ржавых доспехах, ни, наконец, дыма, гари и специфического едкого запаха – ничего этого не обнаружилось. Над нашими головами стояла полная луна. Яркий круг ее чуть размывался по бокам дымчатым ореолом. Воздух звенел морозом. Ледники перешептывались со звездами – такими же острыми и покрытыми снегом вершинами небесных гор. Над расщелиной стлался туман. Мистер Иамен отвел в сторону ветки кустарника и сделал приглашающий жест:

– Прошу.

Нили, пригнувшись, чтобы не задеть макушкой низкий потолок, первым ступил в проход. Секиру он держал на вытянутых руках. Следом шагал мистер Иамен, как и всегда, невозмутимый. Я с автоматом наперевес замыкал шествие. Коридор вился в скалах. Под ногами изредка позвякивало битое стекло, судя по всему, не до конца выметенное добродетельными монахами при драконе. Нили, перекинув секиру в левую руку (он был левша, как и мой дед), засветил фонарик и тут же прикрыл его ладонью, чтобы не привлекать светом притаившееся в монастыре чудовище. Обнаружилось, что телохранитель мой при желании может ступать тише кошки. Шагов мистера Иамена я тоже не слышал.

Воздух становился все теплее и все удушливей. От стен в пляшущем луче фонарика валил пар. То ли скалы разогрелись от драконова дыхания, то ли неподалеку пролегалли теплые источники. Проход становился все более наклонным, и вскоре мне и Нили пришлось цепляться за стены, чтобы не поскользнуться на влажном полу. Мистер Иамен наклонился, казалось, не замечал. Наконец, пол выровнялся, и наш сопровождающий поднял руку. Мы замедлили шаги и прислушались. Было тихо. Как-то слишком тихо. Такая тишина бывает лишь в старых театрах: труппа давно разбрелась по кабакам и разъездным постановкам, импресарио разорился, здание закрыто и ждет сноса. Где-то под куполом гнездятся голуби. Ты знаешь, что голуби там, ты каждую секунду ждешь шелеста и плеска их крыльев, но голуби все не взлетают – и тишина начинает действовать на нервы, впиваясь под лопатку тонкой иглой. Неподалеку раздастся звук приближающегося мотора, рокот, и – бум! – на стену обрушивается удар железной бабы, летит известка, рушится кирпич и арматура, чтобы похоронить тебя в ливне обломков...

Я очнулся, когда мистер Иамен довольно грубо тряхнул меня за плечо.

– Ингве, – прошептал он. – Я не подозревал, что вы так внушаемы. Это же обычный драконий морок. Он пока и не пытается до нас добраться, просто генерирует что-то вроде фонового излучения. Как вы намерены с ним беседовать, если так легко поддаетесь иллюзиям?

Я пожал плечами. Уж как-нибудь. Тем временем Нили, сделавший несколько осторожных шагов вглубь прохода, вдруг исчез за поворотом. Отодвинув мистера Иамена, я поспешил за своим телохранителем. Еще не хватало вояке в одиночку схватиться с ящером. С разгона я завернул за угол – и замер, будто уткнувшись в стену. В глаза мне ударил жемчужный свет,

вроде бы не яркий, но до того пронзительный, что перехватило дыхание. Через пару секунд, когда слезящиеся глаза приспособились к освещению, я обнаружил, что проход загораживает широкая спина Нили. Отпихнув телохранителя в сторону, я шагнул вперед.

Небольшой зал заливало сияние. Я никак не мог разглядеть источника света, потому что ни окон, ни фонарей, ни флюоресцентных или иных ламп в зале видно не было. Оставалось предположить, что свет излучает маленький сухой старик в желтом шелковом одеянии, сидящий посреди комнаты в инвалидном кресле. Костлявые руки старика в сетке голубых вен аккуратно лежали на коленях, бритую макушку испестрили коричневые пигментные пятна, а глаза глядели на нас из-под морщинистых век с кротким любопытством. Под потолком зала тянулась широкая лента того же цвета, что и одеяния старца. Никаких знаков на ленте не было – похоже, она висела там просто для красоты.

– Чем обязан я, ничтожный, честью вашего визита? – негромко, но певуче и явственно проговорил старик. – Нечасто князя Свартальфхейма и их благородные слуги навещают мою скромную обитель.

Самое интересное, что я не мог определить, на каком языке ко мне обращается инвалид. Голос, кажется, звучал прямо у меня в голове. Согласно некоторым из наших легенд, драконы отлично владеют телепатией. Это становится более понятным, когда начинаешь размышлять, каким образом трехсаженная, оснащенная полуметровой длины зубищами глотка могла бы издавать звуки членораздельной речи.

Я оглянулся через плечо, ожидая увидеть стоящего сзади мистера Иамена – но того и след простыл. Заметив, что я оглядываюсь, Нили удовлетворенно пробормотал: «Сдрейфил некромантишка».

Это он сделал зря, потому что старик в кресле немедленно и радостно спросил:

– Не ослышался ли я? Не только князь Свартальфхейма и верный его вассал, но и великий маг, обладающий даром говорить с мертвыми, пожаловал в сии недостойные чертоги?

Первое правило общения с драконами: никогда не обращайтесь к ним напрямую. Второе правило общения с драконами: никогда не называйте своего истинного имени. Третье правило общения с драконами: не общайтесь с драконами.

Повернувшись к Нили, как будто никакого старичка в зале и не было, я раздумчиво произнес:

– Доводилось мне слышать, что не так давно обитель Недонг посетил русский путешественник. Как думаешь, Нили, досужие ли это сплетни или есть в слухах и зерно правды?

Любопытство – ахиллесова пята драконов (как, впрочем, и многих иных, не столь древних и зловещих созданий). Старик в кресле насторожился.

Нили хмыкнул и ответил, небрежно помахивая секирой.

– Досужие, Мастер Ингве, сплетни, без всякого сомнения. Что бы русскому путешественнику могло понадобиться в диких и неприветливых горах?

Старичок, если и обиделся на «дикие и неприветливые горы», виду не подал. Голос у него оставался все таким же медовым.

– Ах, господа свартальвы и маги интересуются русским путешественником? Как же, как же, заходил сюда человек, жаждущий просвещения... То есть человек лишь делал вид, что жаждет просвещения, на самом деле желания его простирались в совсем другую область и были безграничны, как голод забытого хозяином на цепи пса... Недостойный интересуется – а каковы ваши желания, молодые господа?

Вот тут бы нам повернуться и уйти. Никогда не отвечайте на прямой вопрос, заданный драконом. Однако на меня все еще, кажется, действовал жемчужный наговор тишины, потому что я развернулся к старичку лицом и ляпнул:

– Не говорил ли русский путешественник о мече по имени Тирфинг?

Старик улыбнулся радостно и светло, как будто я поведал ему о школьных успехах его любимого внука.

– Недостойный как будто бы помнит, что подобный псу русский спрашивал его о проклятом оружии. Недостойный, как бы ни претило ему множить скорби мира, даже дал русскому ответ – ибо, в конце-то концов, разве вправе недостойный решать, что будет с миром и с его обитателями? Всякий следует закону дхармы, а недостойный знает лишь, как выращивать редьку на огороде и молитвой приветствовать восходящее светило. И первый луч светила встает над горой Чан, как конь, увенчанный гривой пламени. Второй луч светила встает над горой Син, как дева в свадебном убранстве. Третий луч светила подобен мечу разящему, четвертый – птице Симург, что рождает семерых птенцов и кормит их кровью сердца, пятый же луч...

– Заткнулись бы вы, господин Хозяин горы Недонг, а?

Я вздрогнул и очнулся. И, очнувшись, обнаружил, что мы с Нили почти вплотную подошли к креслу тихого старичка, а сидящий в кресле уже разинул пасть с зубищами-иглами – в пору морскому зверю Окуню, пожирающему заблудившиеся в тумане корабли. Я отпрянул. Нили, поминая Хель, Нифлинггов и молот Тора, поспешил за мной.

У входа в бывший зеркальный коридор стоял мистер Иамен и лениво чертил узоры по пыльному полу острием своей катаны. Голос, избавивший нас от морока, принадлежал, без сомнения, ему. Приглядевшись к узору, я опознал руну Ингваз, руну Ансуз и руну Совильо, хотя большая часть знаков оказалась мне незнакома. Были там, кажется, странно искаженные литеры айн и вав из арамейского, и еще китайские иероглифы.

Старичок в инвалидном кресле исчез. На месте его прижалось к полу двадцатисаженное чудовище в серо-стальной чешуе. Огромные янтарные зенки чудовища пялились зло и яростно, а из разинутой пасти раздался рев, смешанный с шипением и пощелкиванием. Так вот оно какое, драконово наречье. В ответ на тираду ящера мистер Иамен поднял голову и прямо поглядел на дракона.

– Нет, я так не думаю, – сказал он. – И давайте перейдем на язык, понятный всем собравшимся.

В первое мгновение мне показалось, что ящер прижался к земле, изготовившись для прыжка – но сейчас я понял, что ошибался. Лапы его и широкие крылья были прибиты к каменному полу огромными железными костылями. У входных отверстий запеклась черная кровь. Костыли увенчивались толстыми поперечинами, мешающими змею освободить конечности. Какую же силищу пришлось приложить, чтобы так уходить могучего ящера?

Дракон проигнорировал просьбу мистера Иамена и продолжал выть, шипеть и пощелкивать. Выражение лица у некроманта сделалось кислым. Он обернулся ко мне.

– Мистер Дракон утверждает, что то, что вы ищете, находится у него под брюхом. И предлагает нам вытащить костыли, чтобы мы могли до искомого добраться.

– Врет, – ту же заявил Нили, который уже примеривался, как бы половчее огладить тварь по шее секирой. Примеривался, впрочем, без особого энтузиазма – в победе над обездвиженным противником чести немного.

– Врет, – подтвердил некромант. – Но не совсем. Что-то под ним действительно есть, хотя то ли, что вы, господа, ожидаете там найти – большой вопрос.

Дракон опустил башку и принялся лизать переднюю лапу длинным оранжевым языком. Ни дать ни взять бедная дворовая шавка, занозившая лапку. Если ящер надеялся этой демонстрацией нас разжалобить, то не на тех напал.

– Пусть расскажет, что он сделал с Гармовым, – потребовал я. – Тогда подумаем, стоит ли его освобождать.

Дракон поднял морду и издал еще одну серию странных звуков. Рева на сей раз было меньше, зато намного больше шипения – похоже, крайнего проявления змеевой ярости.

– Хозяин Недонга говорит, что ровно ничего не сделал с русским. Русский сам с ним все сделал.

Ай да Гармовой, ай да сукин сын! Вот тебе и искатель древностей, вот тебе и капитан-отставник. Если такие у них отставники, каковы же ребята на действительной службе?

Я подумал еще немного и решился. Спросил у Нили:

– Ножовка при тебе?

Мог бы и не спрашивать. С любимым набором инструментов телохранитель мой не расстался бы и на ледяных полях Нифльхейма.

– Делаем так. Я буду пилить. Вы с мистером Иаменом сторожите дракона. И если он хоть облачко пара из ноздри выпустит...

– Если бы эта рептилия была огнедышащей, вы бы, Мастер Ингве, уже здесь не стояли, – педантично заметил некромант.

– Неважно. Если дернется, сади его секирой по шее. Ну и вы, мистер Иамен, вашими методами...

Костыли поддавались с трудом. Тут-то я и пожалел, что как от чумы бегал от дедовской кузни. Совсем отвертеться от уроков ремесла мне не удалось, но никогда мое сердце к кузнечному делу не лежало. Правильно Нили говорит – какой из меня свартальв? Сплести кольчугу – это еще ладно, хотя работенка нудная и кропотливая. Но орудовать молотом, упаси меня Имир! После того, как я заявил деду, что подшипники и горбыли намного быстрее и дешевле закупать в Срединном Мире, а мастерскую его следует оборудовать хотя бы паровыми механизмами, старик меня чуть не проклял.

После часа возни ножовкой туда-сюда мне удалось освободить три драконьих лапы, крыло и хвост. Металлическая крошка набилась мне под ногти, и штанины были облеплены железной пылью. Нили все это время преданно стоял на страже, занеся секиру над шеей змея. Я как раз перешел к левой передней лапе, когда Нили на секунду опустил секиру, чтобы перекинуть ее в другую руку. Делать этого не следовало. Ящер взревел и стеганул хвостом. Нили с придушенным хрипом отлетел к стене. Взбесившаяся тварь рванулась, с мясом выдирая костыль, хлопнула крылом – меня сшибло с ног поднявшимся ветром – и занесла для удара свободную правую лапу. Высверкнули огромные черные когти, в лицо дохнуло жаром и гнилью, волосы обдуло сквозняком... я закрыл глаза. Да, я закрыл глаза от ужаса, да, Нифлинг вас задерит, я, как последний трус, закрыл глаза! На меня упало что-то, но оно не могло быть дракононой лапой – оно было легче и без когтей, и пихнуло меня в сторону, так что я заскользил по гладкому полу. Послышался яростный крик Нили, каменное ложе пещеры сотряс удар, человеческий стон, злобный вопль дракона. Не прошло и секунды с того момента, когда я зажмурился. Я открыл глаза и обнаружил рядом со своей щекой небольшую кисть. В кисти зажата была серебряная катана, но рука не двигалась – хозяин ее лежал вниз лицом, придавленный тяжестью дракононой лапы, лежал в луже крови. Имир, опять меня спас этот коротышка, да сколько же можно! – я выдрал из не желающих разжиматься пальцев катану и отсек чешуйчатую конечность, а потом рубил и рубил бьющееся туловище, и рядом хакал и хекал Нили, как древоруб в разгар рабочего дня, и всюду была черная драконья кровь и красная – моя?..

...А бой наш продолжался, наверное, не больше двух минут. Спустя эти две бесконечные минуты глаза ящера подернула пленка. Могучее тело еще содрогалось, но без всякого смысла и толку. Ящер подышал. И когда задние лапы его в последний раз скребнули пол, оставляя глубокие борозды от когтей – вот тогда дракон развернул ко мне уродливую, еще более нами обезображенную башку и с покидающим его дыханием прошипел – тихо, но явственно:

– Радуйся, свартальв! Отныне ты связан долгом крови с сыном Черного Эрлика.

Шипение перешло в бульканье, и я не сразу понял, что дракон смеется. А когда наконец понял, яростный огонь в желтых глазах змея мигнул и потух навсегда.

Нили за моей спиной прерывисто втянул в грудь воздух. Я обернулся. Раненый некромант поднимал себя с пола. Мне не надо было знать о том, что умирающий дракон не солжет никогда – хватило одного взгляда в лицо мистера Иамена, чтобы убедиться: Хозяин Недонга сказал правду.

То, что последовало за драконьим откровением, ввергает меня в краску стыда до сих пор. Некромант поднимался с пола. Он почти уже вздернул себя на ноги, когда Нили подошел к нему и ударил кулаком в лицо. Удар снова бросил Иамена на землю. Я не остановил телохранителя. Не остановил я его и тогда, когда, порывшись в рюкзаке, он достал моток изоленты. Изоленту Нили считал одним из лучших изобретений человечества. Прижав раненого коленом к полу (тот застонал – Нили давил ему на разодранное драконьим когтем плечо), воин деловито обмотал его сведенные за спиной локти и запястья. Еще один кусок Нили шлепнул некроманту на рот, и это было правильно: мало ли какие проклятья мог призвать на наши головы чародей. Только тут я разлепил губы и пробормотал:

– Слезь с него, ты его удушишь.

– А и удушю, – радостно отозвался Нили. – Непременно удушю, но только потом, после того, как мы его обо всем очень подробно расспросим.

Наверное, меня основательно перекосило, потому что Нили озабоченно нахмурился. Оглядевшись, он ткнул пальцем в маленькую дверь, ведущую в соединенную с залом комнатушку.

– Ты вот что, Мастер Ингве. Дракон тебя чуть не измордовал, вон какой ты зеленый. И вообще, негоже князю наблюдать за тем, как такие вещи делаются.

– А что князю гоже?

– Князю гоже посидеть тут у стеночки и выпить воды из фляжки, пока я поговорю с нашим труповодом вон в той комнатке. И не стоит князю туда заходить, пока я его не покличу.

Он вздернул пленника на ноги и поволок к двери. На пути залез в рюкзак и швырнул мне булькнувшую флягу. Я инстинктивно поймал фляжку, прежде чем она врезалась мне в скулу, и слабо улыбнулся: фляга была иаменовская и до сих пор едва ощутима пахла спиртом. Устало опустившись на пол, я оперся спиной о холодную стенку и сделал глоток. Вода была горькой – или это все еще в горле у меня стояла железная крошка и пыль схватки?

Я прикрыл глаза и, кажется, отключился. Вывел меня из забытья крик. Потом еще один. И еще. Так кричит человек в смертельной муке. Нили в свое время служил в нашей гвардии – недаром отец приписал его мне в телохранители – и участвовал во взятии крепостей альвов на Туманном Берегу. Побывал он и при осаде Тир-на-Ногта. Гвардия Свартальфхейма – практически тот же спецназ, только вооружение малость отличается. А вот набор необходимых навыков неизменен. Нили умел пытать пленников.

Я попытался не слушать крики Иамена. Я боролся с сильным искушением зажать уши ладонями, только это было бы уже совсем малодушно. Я хотел убедить себя в том, что дитя Эрлика-Предателя ничего хорошего нам наверняка не готовило. Я напоминал себе, как не люблю некромантов. А перед глазами стояло одно и то же, одно и то же: дышащие зрачки мертвеца; оскаленная драконья пасть в острых иглах зубов; черный длинный коготь. Трижды некромант спасал меня, трижды: в первый раз отдав за меня силу, во второй – слово, и скрепив все это собственной кровью. Я сжал зубы. Я отбросил фляжку в сторону и встал. На негнувшихся ногах я пересек зал и вошел в маленькую комнату.

Толстые столярные гвозди вовсе не предназначены для того, чтобы их загонять людям под ногти. Намного больше для такой цели подходят мелкие обивочные гвоздики, а еще лучше – зубочистки. Нили, кажется, не был знаком с этим золотым правилом, или просто его проигнорировал. Нили всю отыгрывался за страшную мертвецкую ночь. Тупой гвоздь никак не хотел входить под ноготь Иамену, а Нили все давил, давил, текла кровь, на лбу старательного ката

выступили бисеринки пота. Честно – я не знаю, что со мной сделалось. Очухался я уже тогда, когда стена комнатухи трещала от ударов. Приглядевшись, я понял, что, ухватив Нили за ворот куртки, колочу им о стену, да так энергично колочу, что уже сыплются мелкие камушки, а непробиваемый затылок Нили при каждом ударе оставляет на стене красные отпечатки.

– Мастер Ингве, – прохрипел телохранитель.

Сзади раздался слабый голос:

– Прекратите, вы же его убиваете.

И тогда я отпустил свою жертву. Нили мешком рухнул мне под ноги, жадно хватая воздух. Я присел рядом и, приблизив лицо к его перекошенной роже, прошипел:

– Если ты его хоть пальцем еще раз тронешь – добыю.

– Но...

– И если он у тебя сбежит – тоже добыю.

Встал, развернулся и – все той же походкой железного болвана – вышел из комнаты. Чтобы мучиться вот этим, наверное, уже до могилы.

Я стянул с себя остатки куртки. В дырки серебром просвечивала дедовская кольчуга. В схватке с драконом она незаметно и не раз, наверное, спасла мне жизнь, потому что рубашка над ней была искромсана в клочки. Я промыл длинную рану на плече Иамена водой из фляжки и, как мог, перевязал некроманта обрывками рубахи. Делал я это неловко, потому что лекарскому искусству обучен был еще менее, чем кузнечному ремеслу. Иамен только зубами поскрипывал. Нили наблюдал за всем этим обиженно и неодобрительно. Верный мой друг, слышишь ли ты меня из тех областей, где находится сейчас твоя душа, видишь ли позднее мое раскаяние?

Вместе мы с трудом перевалили драконью тушу на бок. Под брюхом твари в каменном сером полу обнаружилась черная дыра колодца. Я принял. Из дыры ужасно смердело. Нили посветил фонариком. В луче света блеснули железные скобы в колодезной стене, облепленные потеками какой-то слизи. Колодец был неглубок – сажень семь, не больше. Внизу мерцала вода и темнели камни.

– Этого, – Нили с отвращением кивнул на некроманта, – здесь оставим? Пакость еще всякую с собой тащить.

Я призадумался. Хель знает, куда ведет проход. Возможно, возвращаться нам придется другой дорогой. Судя по ласкающему ноздри аромату, это мог быть и один из старых карликовых туннелей, которые обладали зловредным свойством: расстояние, пройденное под землей, никак не соотносилось с дистанциями в Среднем Мире. Войдешь в такой колодец, скажем, в Неаполе, сделаешь два шага – и ты уже на Филипинах. А обратного ходу в цверговых туннелях тоже не было. Только потомки Мотсогнира знали, как ими пользоваться. Оставлять же связанного некроманта в заброшенном монастыре, не будучи уверенным, что я смогу за ним вернуться, мне не хотелось.

– Иамен, вы можете идти самостоятельно?

Тот кивнул.

– Тогда решено. Нили, спускайся первым. Иамен второй, я замыкаю.

Еще поворчав, телохранитель мой навьючил на себя рюкзак, автоматы и секиру. Я взял фонарик в зубы и закинул за плечи перевязь с катаной. Иамен попробовал встать, пошатнулся. Скулы его посерели от боли. Я протянул ему руку, и с грехом пополам некромант утвердился на ногах. И, мысленно помолившись Отцу Воинов и Светлой Фрейе, хранящей от порождений нифльхеймского мрака, я нырнул следом за Иаменом в зловонную утробу туннеля.

Здесь было холодно. В теплом верхнем зале монастыря я и позабыл, что по гребням гор уже метет снегом. Порванная куртка с лезущим из дыр синтепоном от мороза ничуть не спасала. Некромант впереди спотыкался и едва волочил ноги. Луч фонарика прыгал по мокрым

стенам и низкому потолку. Под ногами чавкала коричневая грязь. Вонь оглушала, хотя источник ее так и оставался непонятным.

Я ожидал, что от основного коридора будут ответвляться боковые проходы, и заранее запасся терпением. Заблудиться под землей свартальв не может, но это отнюдь не значило, что нам не суждено проплутать по подземелью часами. Однако туннель был прям, как стрела. Похоже, строители его вполне ясно представляли, куда хотят нас завести. Иамен впереди споткнулся. Я как раз собирался объявить передышку и уже посветил фонариком, выискивая местечко посуше, как вдруг некромант завопил:

– Нили, стойте!

Нили и не подумал остановиться. Озадаченный криком, я направил луч вперед – и увидел тонкую проволоку, протянутую над полом на уровне щиколоток. Нили как раз сделал шаг, и нога его задела струну...

Стены вздрогнули. Будто вздохнула огромная грудь, нет, не вздохнула – выдохнула с облегчением, сбрасывая с плеч опостылевший груз. Трещины побежали от пола вверх, и спустя мгновение на нас посыпались камни.

– Назад! – заорал я, но было уже поздно. Нили поймало в камнепад. Уклоняясь от рушащихся глыб, он развернулся и со всей силы толкнул Иамена обратно по коридору. Некромант отлетел, по пути врезавшись в меня. Со скрежетом каменная плита потолка накренилась... Нили подставил плечи. В дрожащем луче фонарика я видел, как вздулись на лбу его жилы, как напряглись могучие мышцы. И все же он склонялся под страшной тяжестью все ниже – а на плиту уже давили сверху другие камни, только и ожидавшие, когда Нили выпустит свой груз и им вольно будет рухнуть вниз, окончательно завалив проход.

– Уходите, – проскрипел Нили.

– Какая неумная ловушка, – задумчиво проговорил некромант за моей спиной. – Хотя соорудившему ее нельзя отказать в мрачном чувстве юмора.

Вместо ответа, я встал рядом с Нили и подставил плечо. И задохнулся под бременем каменного свода.

– По-честному, – продолжал Мистер Иамен, склонив к плечу голову и, кажется, от души забавляясь, – мне следовало бы оставить вас здесь.

– Ну и вали, гнида, – хрипанул Нили.

Я тоже ничего хорошего не подумал.

– Мастер Ингве, Имира ради, вылезайте из-под плиты. Вы еще успеете уйти по проходу. Я один удержу...

– Пошел на Хель.

Иамен, нагнувшись, поднял фонарик и посветил назад.

– Пока вы соперничаете в самопожертвовании, господа свартальвы, могу порадовать вас известием, что тот конец коридора тоже завалило.

И вправду, луч фонаря осветил сплошную стену обломков и клубы пыли. Мне стало смешно. Вся эта возня с драконом, вся бездарная суета вокруг меча – и лишь затем, чтобы быть расплюснутыми в каменной могиле.

– Ну что же вы, мистер Иамен, – сказал я. – Призовите нам на помощь духов преисподней или кого-нибудь покруче.

– Духи преисподней тут ни к чему. Достаточно нажать на ручку сливного бачка. И Мастер Нили это уже проделал.

– Что?

На голову мне шлепнулась капля влаги. И еще одна. И еще. Зловонная и горячая жижа уже текла по моей макушке ручейком.

– На вашем месте, господа, я бы набрал в грудь побольше воздуха...

– Что он несет?..

Сверху раздался еще более ужасающий рев, рокот, плеск, камень под моими руками вдруг начал расползаться в вонючую кашу – и, пока я пытался сообразить, что к чему, нас захлестнуло грохочущим водопадом.

Брезгливый Нили сидел на обломке скалы и плевался. Отплеваться он никак не мог, да это и не имело смысла – мы с ног до головы были облеплены бурой гадостью. Река дряни, истончившаяся, впрочем, уже до мелкого ручейка, весело журчала по камешкам. За горами на востоке собиралось всходить солнце – но беременные им тучи, кажется, настолько были увлечены созерцанием наших перекошенных рож, что родовые схватки откладывались.

– Драконье дерьмо! – взывал Нили, грозя кулаком то ли небу, то ли входу в монастырь, располагавшемуся саженях в пятидесяти у нас над головой, то ли неведомому шутнику. Шутник, впрочем, был мне как раз очень ведом.

Иамен сидел, опершись спиной о валун, и улыбался во весь рот. Впервые я видел, как улыбка коснулась светлых глаз. Странные же у некоторых поводы для веселья, подумал я.

– Нет, согласитесь, Ингве, это смешно. Направить нас в отхожее место, полное замерзшего драконьего кала... я бы хотел познакомиться с господином Гармовым поближе. По крайней мере, он ясно дал понять, что думает о тех, кто соберется его преследовать.

Я соскреб с лица особенно липкий комок дерьма и мрачно поинтересовался:

– Вы же сразу сообразили, куда мы лезем. Могли бы и предупредить.

– Но, Ингве, вы так целеустремленно ринулись в эту дыру... Потом, признаюсь, я был несколько зол на господина Нили, который настолько упорно хотел выведать мои жуткие секреты, что извел весь имеющийся при нем запас гвоздей.

– А если бы мы захлебнулись?

– Захлебнуться в дерьме – это ли не интересная смерть?

Возражений у меня не нашлось.

Тучи все же решили разродиться восходом, и нам пришлось срочно убираться обратно в треклятый монастырь Недонг.

Нили злобно пинал драконью тушу. В дальних комнатах мы обнаружили фонтанчик с тепловатой, пованивающими тухлыми яйцами водой, и кое-как соскребли верхний слой грязи. Иамен, с прилипшими ко лбу мокрыми темными волосами, внимательно осматривал желтую тряпку под потолком.

– Ну и чего мы добились? – в который раз воскликнул мой телохранитель.

Он уже довольно давно вымещал обиды от неудачной экспедиции в подземелье на дохлом ящере. Я подозревал, что намного охотней Нили отпинал бы сейчас мистера Иамена, но приказ мой твердо засел в его упрямой башке.

– В дерьме искупались. Дракон нас исполосовал. Обзавелись пиявкой-некромантом, который еще и сынок старой гадины-Эрлика.

– Я бы на вашем месте, почтенный Нили, не стал орать имя моего отца во всю глотку. Мы находимся как раз над его царством. Не думаю, что в завершение сегодняшних приключений вам хотелось бы повстречаться с ним лицом к лицу.

Я вяло прислушивался к их перепалке. Жемчужный свет, похоже, все же поддерживался драконовыми заклинаниями. Сейчас он почти угас. Темнота копилась по углам. Поминать Эрлика все, пожалуй, и вправду не стоило.

Наконец я встал и подошел к неподвижной туше. Пнул ее пару раз ногой в брюхо. И вытащил из ножен катану.

– Он уже мертвый, – с сочувствием в голосе сказал Нили.

Видимо, честный вояка решил, что в результате выпавших на нашу долю испытаний я слегка поехал рассудком. Я оглянулся на некроманта. Тот кивнул.

– Гадание на драконовых внутренностях, – сказал я поучительным тоном (который, будем честными, слямзил у нового знакомца), – есть один из вернейших способов определения судьбы. Те благородные рыцари, которым не удавалось разговорить дракона при жизни, весьма часто к нему прибегали.

Я развернул лезвие параллельно полу и одним длинным ударом вспорол драконье брюхо. Пахнуло гнилью. На пол вывалились перевязанные узлами багрово-черные кишки.

– Не хочу вмешиваться в ваше увлекательное занятие, – сухо сказал Иамен, – но у меня появился вопрос: кто здесь умеет гадать по драконьим внутренностям?

Я обернулся.

– Мне казалось, вы, Иамен...

– Увы, этим полезным искусством я овладеть не успел.

Я почесал рукояткой катаны в затылке. Нили зарылся в рюкзак. Основательно там пошарив, он извлек спутниковый телефон. Включил его. К счастью, рюкзак Нили был водонепроницаемым – когда мы откопали пожитки в ложе навозного ручейка, все внутри оказалось сухим и целым.

– Позвони пидору, – предложил Нили.

Иначе он Ингри и не называл.

Некромант склонил голову к плечу.

– Пидор умеет гадать на драконьих кишках?

– Нет, – ответил я, мысленно проклиная Нили, – пидор найдет нам гадателя.

– Не хочу, опять же, критиковать ваши планы, но если гадатель не прибудет сюда в течение ближайших двадцати четырех часов, предсказание будет... несвежим. У вас на телефоне есть камера?

Камеры на спутниковой мобиле не было. Я озадаченно посмотрел на Нили. Нили озадаченно посмотрел на меня. Иамен задумчиво посмотрел на желтую ленту под потолком.

– Если уважаемый Нили залезет на драконью лопатку и достанет это полотнище...

Отпечаток кишок на шелке вышел неожиданно четким. Я набрал номер Ингри. Спустя два десятка гудков трубка отозвалась сонным голосом:

– Слушаю, мой повелитель, и повинуюсь. Прикажешь ли построить дворец или разрушить город?

– Ингри, кончай молоть чепуху. Брось все дела и срочно добудь мне координаты гадателя по драконьим потрохам.

Трубка ответила изумленным молчанием.

Глава 3. Разговорчики в Пхукете

Гадатель – а, точнее, гадательница – по драконьим внутренностям обнаружилась в Пхукете. Непал пришлось покинуть с непристойной поспешностью – отчего-то нами стали активно интересоваться здешние органы охраны порядка. Так, Нили чуть не арестовали в ирландском пивном баре (а он даже и не думал проламывать бармену череп табуреткой, как это происходит обычно), а за моей съёмной тачкой два часа подряд следовала какая-то старушонка в коробчонке, а, точнее, полицейской «Тойоте». К счастью, у мистера Иамена нашлась огромная коллекция фальшивых паспортов, в которые он с немалым мастерством вклеил наши фотографии. Есть ли предел талантам этого человека? Ах да, потроха дракона.

В Пхукет мы прибыли на маленьком и тряском самолетике в два часа ночи – очень вовремя, потому что никакой подземной стоянки такси в аэропорту, конечно же, не было. Ингри ухитрился снять для нас бунгало в одном из самых дешевых отелей на побережье – прикрываясь, конечно, отнюдь не собственным крохоборством, а заботами о нашей безопасности. В результате мы час дребезжали в довоенном, кажется, «Форде». Нили основательно растрясло, и, когда «Форд», пытая и кашляя, доставил нас наконец к месту назначения, он со стоном вывалился на песок и тут же полез в дом. В бунгало имелось две комнаты и две, соответственно, кровати. Нили безапелляционно заявил, что мы с некромантом, если нам угодно, можем разделить ложе, а он забивает одну из коек и удаляется на боковую. Дело кончилось тем, что я разбудил администратора, и с грехом пополам сумел втолковать ему, что нам нужен гамак. Наконец устроились. На столе обнаружился лаптоп, помаргивающий заставкой. Лаптоп вроде бы презентовала нам щедрая администрация отеля, хотя, конечно, это была задумка Ингри. По замыслу, следовало бы тут же связаться со скотиной и сказать, что я обо всем этом думаю – но слишком уж тиха и звездна оказалась тропическая ночь за порогом. В аэропорту было душливо жарко, а здесь слабый ветерок от моря шевелил занавески и нес запах и звук прибоя. Я скинул ботинки и босиком по песку прошлепал к берегу. Волны мягко накатывались на пляж. Небо над головой раскинулось широко и щедро. Таких звезд не увидишь и в Асгарде – где ночные светила остры и холодны, как и полагается там, на Севере. Я сел на песок, обняв колени. Ступни мои лизал прибой.

Через некоторое время сзади послышались шаги. Для Нили шедший ступал слишком легко, почти бесшумно. Значит, Иамен решил ко мне присоединиться. Шурхнув песком, некромант присел рядом со мной. Рубашки на нем не было, и в темноте отчетливо белел залепивший плечо пластырь. Мы помолчали. Когда созвездия сдвинулись в небе на пядь, я обернулся к Иамену.

– Странно. Там, в горах, все еще властвует древний мир. А здесь и не верится, что такое бывает.

Иамен усмехнулся.

– Живущие в море, как правило, намного старше обитателей суши. Здесь их тоже хватает, но они не любят докучать людям.

Он поднес сложенные домиком ладони ко рту и вдруг засвистел и защелкал. Чем-то эти звуки напоминали драконью речь, но были на несколько октав выше. Море вздохнуло. Недалеко от берега черная гладь раздалась, и над ней показалась огромная головы с покатым лбом и заостренным рылом. Присмотревшись, я обнаружил, что на спине небывалых размеров дельфина сидит маленькая тень. Девочка лет пятнадцати. Тень бледно светилась. С волос девочки срывались фосфорические капли. Дельфин кивнул некроманту и испустил длинную серию щелчков и потрескиваний. Иамен обернулся ко мне.

– Мать Дельфинов приветствует подгорного князя. Она желает удачи во всех его начинаниях и просит ее извинить – в заливе потерпело крушение рыбацкое судно, и ей следует поторопиться.

Дельфин глубоко вздохнул и ушел под воду. Еще некоторое время на поверхности светлело пятно – там, где в волнах скрылась макушка девочки.

– А кто это у нее?..

– Дельфины часто спасают тонущих моряков. А когда не успевают, порой поднимают человеческие души со дна, чтобы они не гнили там или не стали игрушками Рыбьего Царя. Эта девочка, похоже, не захотела расстаться со своей спасительницей, и они теперь путешествуют вместе.

– Сколько вам по-настоящему лет, Иамен?

– Чуть больше сотни. А что?

– Нет, просто... Вы многое знаете. Странно много для того, кто не прожил и пары веков. Иамен хмыкнул.

– Было бы желание учиться, Ингве, а учителя найдутся всегда.

Я покачал головой.

– Не понимаю.

– Чего вы не понимаете?

– Вы ведь и в самом деле сын Эрлика?

– Ну да. А что, не похож?

– Не очень.

– А вы похожи на своего отца, Ингве?

Я поморщился, а затем неохотно ответил:

– Я похож на свою мать.

Иамен сгреб горсть песка и разжал пальцы. Песок просыпался с тихим шелестом.

– Что ж, возможно, ваша мать – достойный образец для подражания. А вот мне, Ингве, сильно повезло, что я не слишком похож ни на одного из своих родителей.

Он обернулся ко мне, и на секунду почудилось, что вместо глаз у него снова маленькие зеркала – но то было лишь отражением звездного света.

– Мою мать звали Медея. Нет, не колхидская Медея, но... Как вы яхту назовете, так она и поплывет – кажется, есть такая поговорка в России?

Последние слова он произнес на чистейшем, без малейшего акцента русском. Я не особенно удивился. На русском он и продолжал.

– Мать неохотно рассказывала о своей молодости, да, если честно, рассказам ее верить и не стоило. Когда я подросток достаточно, чтобы хоть что-нибудь понимать, она была уже совершенно не в себе. Потом я, конечно, кое-что выяснил. Мать моя была цыганка и пела в цыганском хоре в Петербурге. Там ее и заметил молодой военный, кавалерист, что ли – в общем, неважно. Заметил и полюбил. Даже по моим воспоминаниям мать была очень красива, такой цыганистой, яркой красотой – хотя, конечно, здорово смахивала на ведьму. В молодости она, должно быть, не одному вскружила голову. Но этот вот офицерик ей полюбился. Она ушла из хора, он вышел в отставку – сопровождаемый, естественно, проклятиями родителей. И они обвенчались. Прожили сколько-то лет вместе, родили детей. Нет, не меня, Ингве, еще не меня. А потом мать офицеру надоела. И вправду, он был еще молод и свеж, а она подсохла, сжалась – знаете ведь, как женщин сушат годы, особенно южных женщин? Ну вот. Бывший офицерик, а ныне чиновник канцелярии начал гулять – сначала по горничным и актеркам, дальше – больше. Мать – цыганка ведь, понимаете – стерпеть этого не могла. Каждый день скандалы. Кончилось тем, что мать потребовала развода. А он расхохотался ей в лицо: дура, мол, неужели ты решила, что мы и вправду обвенчаны? Да ведь венчал нас поп-расстрига, и сама ты мне не жена, и пашенки твои – незаконные. И выгнал мать со двора в одном пальтишке, в петербург-

скую-то метель. Детей, правда, оставил пока. Хотя, как потом оказалось, лучше бы не оставлял. Тогда, блуждая по питерским вьюжным улицам и мало что от злости и горя видя, мать, думаю, и тронулась рассудком. На следующую ночь стащила она где-то хлебный нож и пробралась в дом мужа. Зарезала его, его любовницу, ну и детей своих заодно, чтобы, видимо, совсем уже соответствовать легенде. И сидела там над ними, воя, пока ее не обнаружили и не повязали. И сослали Медею в Сибирь. Примерно тогда ей, видимо, и пришла на ум блестящая идея обзавестись ребенком-мстителем. Цыгане неплохо разбираются в ворожбе, а на поселении она наверняка встретилась и с местными шаманами... Короче, совершила бедная безумица обряд инвокации, и родился я. Мать моя свято была убеждена в том, что породила эдакого Антихриста, и каждому, кто соглашался выслушать, об этом сообщала. Вскоре даже туповатые местные чины сообразили, что на каторге ей не место, а место в приюте для скорбных духом. Туда и отправили. А меня забрали родители ее мужа. Я родился недоношенным, и у стариков были все основания считать, что я последнее, оставшееся им от сына. Они меня и вырастили. Впрочем, Медея пару раз из желтого дома сбегала и меня, так сказать, навещала. Скажу вам честно, Ингве – неприятно, когда тебя боится собственная мать. Даже если она очень больная и совершенно безумная женщина. Впрочем, вы же ее видели...

Я вспомнил длинноволосую Тень-танцовщицу. Вспомнил и вздрогнул.

Море бормотало у наших ног, повторяло свою бесконечную колыбельную. Спи, усни на темном прохладном дне, в соленой и горькой волне.

– А отца своего... Эрлика... вы хоть раз видели?

Иамен снова улыбнулся.

– Хотите на него посмотреть?

Я вздрогнул.

– Да нет, не особо.

– Ингве, надеюсь, вы не считаете, что я намерен сейчас заняться вызыванием духов бездны? Я имею в виду портрет.

На портрет, если честно, мне тоже смотреть не хотелось, но я кивнул. Иамен порылся в кармане штанов – карманов на его хаки было несчитано – и извлек свернутый вчетверо лист журнального формата. Я щелкнул зажигалкой. Это и вправду оказалась страница из журнала или каталога какой-то выставки.

– Творение Жана Поля Де Ре. Он, хотя и постконцептуалист, а суть уловил верно.

С листа пялилась страшная харя. Поражала она, во-первых, размерами: гуляющие по залу любители постконцептуализма, почему-то все как один зажимавшие носы платочками, казались по сравнению с кошмарным ликом пигмеями. Во-вторых, это было что-то вроде негатива: с черно-бурой рожи таращились выпуклые белесые моргала. Глаза эти были сделаны то ли из воздушных шаров (но странная резина пошла на эти шары), то ли из вываренных до белизны и надутых газом бычьих пузырей. По-любому, умельцу-художнику удалось достигнуть нужного эффекта. Глаза точь-в-точь напоминали зенки основательно полежавшего в воде утопленника, которые плятятся с обсосанных гальяшками и прочей мелкой речной нечистью костей. Вот оттого, наверное, я всегда предпочитал наземных покойников. На земле честные вороны выклеивают мертвецам глаза, чтобы те не оскверняли небо взглядом белых буркал. Присмотревшись внимательней, я наконец-то понял, отчего посетители выставки зажимают носы. И еще – причину мрачного веселья Иамена во время нашего навозного купания. Картина была выполнена из дерьма. Заметив мою реакцию, некромант ухмыльнулся.

– Говорят, для того, чтобы заделаться царем мертвых, папаша мой вывернулся наизнанку. А с изнанки у любого, что у смертного, что у бессмертного – если, конечно, верить господину Умберто Эко – с изнанки у любого из нас дерьмо.

Я с отвращением отодвинул картинку.

– Вы что, всегда таскаете с собой этот ужас?

– Всегда, Ингве, всегда. Мне очень нужно напоминать себе время от времени, в кого я не хочу превратиться.

Небесное колесо повернулось на треть. Море заливало наши лодыжки – начинался прилив. Иамен встал с песка, отряхнул ладони.

– Ингве, пойдете купаться.

– Я не умею плавать.

– Жаль. Вода очень теплая.

Он скинул брюки и шагнул в темное море. Сделал еще несколько шагов, нырнул и поплыл, рассекая воду сильными беззвучными гребками.

Днем на пляж обрушились полотнища солнечного света. Море призывно заголубело. Вдали от берега по воде побежали полосы цвета малахита. Я задвинул занавески и включил laptop. Нили все еще дрых, Иамен в гамаке читал приобретенный в аэропорту роман. Как ни странно, для чтения некромант пользовался очками. Я, между прочим, прошлой ночью честно предложил ему кровать – раненому в гамаке уютиться не слишком комфортно – но Иамен отказался. Пока загружался чат, некромант отложил книгу и обернулся ко мне.

– Почему вы так боитесь солнца, Ингве?

Я изумленно задрал брови.

– Что это за вопрос, Иамен? Вы же знаете, кто я такой.

Тот хмыкнул, и, ничего не ответив, вернулся к своему роману. Я подхватил laptop и от греха подальше ушел в соседнюю комнату.

Ингри на той стороне экрана разве что не подпрыгивал.

– Ну давай, – мрачно сказал я. – Колись, что ты там нарыл.

– Меч. Этот меч, Ингве...

Он сделал театральную паузу. Я поморщился. Порой мой консьерже был просто невыносим.

– Что с мечом?

– Короче, так. Я похерил древнюю историю и обратился к современности. И вот твердый факт – последним настоящим владельцем меча был принц Евгений Савойский.

Он выдал информацию с таким видом, будто от восторга я должен расцеловать его в обе щеки.

– И?

– Слушай дальше. От Савойского меч на короткое время перешел к этому шведскому щенку, Карлу – но Петр Первый быстренько избавил выскочку от клинка под Полтавой. Русский царь, конечно, был полным невеждой и о мече ничего не знал, так что закинул Тирфинг в какую-то из дворцовых кладовых и забыл. Затем, уже при советской власти, сокровище пылилось в спецхране Эрмитажа. А вот мессер Шикльгрубер со товарищи в истории разбирались всяко лучше, спасибо «Анэнербе». Когда остатки музейной экспозиции вывозили по льду из уже осажденного Ленинграда, немцам кто-то стукнул: был у них, видать, среди музейных работников свой человек. И они напали на колонну. Ночью. Десант. Выстрелы, взрывы и прочие спецэффекты...

– Если ты мне скажешь сейчас, что грузовик с мечом затонул в реке, я тебя уюкошу.

– В том-то и дело, что не затонул. Вылазка прошла удачно. Так что не зря твой почтенный папаша гонялся за сокровищами Скорцени. Судя по всему, Тирфинг захоронен в одном из альпийских озер.

– Спасибо тебе за эти свежие новости шестидесятилетней давности.

– Не благодари меня прежде времени. Слушай дальше. Главная-то фишка не в этом.

– Я надеюсь.

– А главная фишка в том, что не всякий, владеющий мечом – настоящий хозяин оружия.

– И что бы это значило?

– То, что ни Карлу, ни Петру, ни нацистам меч не дался. Повторяю – последним настоящим хозяином клинка был душка Савойский.

– Откуда такие сведения?

– А вот послушай. Мне удалось раскопать дневники принца. Меч ему никто не передавал, ни у кого он меча не крал, ну и так далее. Меч нашел его сам. Однажды ночью на лагерной стоянке явилось принцу видение. Как он пишет, привиделся ему одноглазый старик в широкополой шляпе и с посохом. Старик шагал по голой равнине без единого деревца. Савойский удивился – что-то такое из нордических саг он читал и старика опознал, однако с чего бы Вотану являться в сны полководца семнадцатого века?

– В самом деле, с чего?

– Дальше было так: старик остановился, оглянулся на бедного Евгения и вонзил посох в землю. Посох немедленно обернулся древесным ростком и, не прошло и минуты, вымахал в здоровенный ясень. Дальше тут что-то невнятное, о червяках, зайцах и утках, но смысл такой, что под корнями ясеня и был тот самый меч. Когда принц проснулся в своей палатке, он не без удивления обнаружил, что сжимает в руке клинок из сна. Ну и пошло...

Я устало вздохнул.

– Ладно. Я понял. Твое увлечение фольклором, дорогой мой Амос, уже давно не новость. И, между прочим, как-то я не заметил, чтобы принц Евгений Савойский стал императором Священной Римской Империи или новым джихангиром.

– Может, ему не хотелось? Может, выбор тут не только за мечом?

– Все может быть. Говорят, по утрам над горой Чан встает конь, увенчанный гривой пламени, а из горы Син навстречу ему лезет девка в наряде невесты...

– А это ты откуда знаешь?

Я утомленно вздохнул. Ингри поджал губы и неодобрительно покачал головой.

– Ну что же ты за Фома неверующий такой? Неужели тебе непременно надо вложить пальцы в раны Христа, чтобы убедиться, что он воскрес?

– Как-то ты слишком увлекаешься Христом. В ваших краях, Амосик, это может плохо закончиться. Хотя он вроде и признан пророком, на твоём месте я все же публично бы чтил Аллаха, а то мало ли что...

Тут Ингри основательно обозлился. Редкое зрелище – обычно наш тихоня ярких эмоций не проявляет.

– Все, забудь про Христа. В пустую глазницу, блин, Вотана пальчики тебе надо засунуть?

– Хрен свой засунь Вотану в глазницу. Чтобы оттуда, значит, ясень Иггдрассиль возрос. От такой наглости Ингри аж посинел. Я, между тем, продолжал:

– Расскажи мне лучше, голубь сизый, что у нас происходит с капитаном Гармовым.

Ингри мрачно отозвался:

– Про Гармового тебе Ингвильф послезавтра все расскажет.

В ответ на мой недоуменный взгляд он нахмурился.

– Ты почту-то вообще проверял? Он тебе уже три мыла посылал. В общем, если коротко: Касьянов каким-то образом очень быстро пронюхал про ваши тибетские похождения. Я даже заподозрил, что кто-то из моих стучит, но, похоже, у него контакты с министерством внутренних дел в Непале.

Ага, вот значит как.

– И так его все это разобрало, что он сам вышел на Ингвильфа и передал ему особо секретную папочку. С личным делом капитана. В среду Ингвильф садится в самолет и привозит тебе эту папочку, потому что сказали конкретно: только из рук в руки.

А вот это уже было интересно. Пока я в задумчивости потирал обросший щетиной подбородок, храп сзади прервался, и Нили заворочался на кровати. Продрав глаза, он хмуро уставился на экран:

– А, привет, пидор.

Ингри тут же сколбасило и, не сказав даже «пока», он отключился. Эти двое друг друга терпеть не могли. Я втайне надеялся, что Нили перенесет большую часть своих дурных чувств на Иамена, однако, похоже, его ресурсов хватало на обоих зараз.

Встреча с гадалкой была назначена в городской кафешке под названием – не смейтесь – «Ус дракона». Над входом призывно поблескивали гирлянды цветных фонариков. Рядом шумел рынок, за которым в обе стороны простирался Веселый Квартал.

Внимательно поглядев на то, чем в кафешке кормили, Иамен протянул задумчиво:

– Знаете, господа, если бы название этого заведения было написано по-русски, я бы предположил, что в первом слове маляр перепутал согласные.

Нили заржал. Я угрюмо хмыкнул. Только еще отпускающего пошлые шуточки некроманта мне для полного счастья не хватало.

Кормили, кстати, неплохо. Когда я, с некоторым трудом, сумел справиться с комком щупалец и чего-то, напоминавшего волосы утопленницы, в чашке, вкус у волос оказался вполне пристойным. Иамен ловко орудовал палочками. Нили глотать местные яства отказался наотрез.

Насытившись, мы в ожидании усталились на двери заведения. Поэтому не сразу сообразили, что ярко накрашенная девица в топике и в обтягивающей кожаной юбке обращается к нам.

– Девочка, – прочувствованно сказал Нили, – за услуги подобных тебе мы не платим. Все, что скрывается под этой юбочкой, можно получить и задарма.

Девица возмущенно тряхнула перистой шевелюрой и ответила на чистом английском:

– Меня зовут Ли Чин. Мне сказали, что вам нужна гадалка.

При мысли о гадалке мне скорее рисовалась эдакая согнутая под грузом лет и чужих судеб вельва, однако что есть, то есть. Девица с мужским именем Ли весело помахала свирепому мужику с тесаком за прилавком и велела следовать за собой.

Привела она нас, конечно, в один из домиков Веселого Квартала. В драпированной полупрозрачной тканью комнате приторно пахло ванилью и лотосом от курительных палочек. Войдя в жилище и заперев дверь, девица немедленно присоединила еще одну палочку к ее тлеющим на подставке собратьям.

– Ну, что у вас там есть, давайте.

Нили скинул с плеча рюкзак и вытащил завернутое в пакет желтое полотнище. Девица, отпихнув несколько подвернувшихся под ноги оранжевых пуфиков, расстелила ткань на полу. Откуда-то она добыла кисточку, чернильницу и полоску папируса.

– Как тут все основательно поставлено, – восхитился Нили.

Девица на него шикнула.

Покрутившись над желтой тряпкой с бурыми отпечатками кишок, она склонилась к папирусу и вывела строчку китайских иероглифов. Надпись смотрелась скудно.

– И это все? – продолжал издеваться Нили. – Так много кишок и так мало букв? Не по труду берете, дамочка.

Тут девка неожиданно вскочила и, вскинув кисточку, поднесла ее к нилиному носу. Тот захлопал глазами. Некромант мягко взял моего телохранителя за руку и оттащил от девицы.

– Нили, прекратите паясничать. Вам совсем не понравится, если эта девушка вас помечтит.

Нили сник. Девка, еще немного пораздував ноздри, процедила сквозь стиснутые зубы.

– Это все, что сказали мне узоры на вашей тряпке. Лучше надо было пропечатывать. Она сунула папирус мне.

– И что я должен с этим делать? – спросил я.

Изъясняться по-китайски я мог с грехом пополам, а вот иероглифическому письму обучен не был.

– Милая, прочитайте хотя бы, что здесь написано. За две штуки баксов вы это сделать можете?

Девушка мотнула головой, так что пряди у нее надо лбом разлетелись в стороны. Симпатичная, кстати, девушка.

– Читать вслух не могу. Прочсть может лишь тот, кому предназначено предсказание.

Иамен вытащил свиток у меня из пальцев.

– Это не иероглифы, просто стилизованный алфавит, – сказал он, изучив папирус. – «Ты найдешь то, что ищешь, на горе Будды, в глазу Кришны». А почему «Будда» с одной «д»?

– Девочка у нас неграмотная, – снова заржал Нили.

– Идиот, – вспыхнула гадалка. – Я записала лишь то, что сказали мне внутренности. В точности.

Я почесал в затылке.

– Ну, в горах Будды мы уже побывали, и не нашли ничего, кроме нескольких тонн дерьма.

– Постойте, – сказал некромант.

Он еще раз повертел в пальцах записку.

– Не могли бы вы, – обратился Иамен к гадалке, – записать то же самое иероглифами?

Девушка передернула плечами, но, снова взяв в руки кисть, просьбу Иамена выполнила.

Он внимательно наблюдал за ее работой.

– Это не символ, обозначающий Будду. Это название города.

– Будапешт?

– Думаю, да. Причем именно старая часть Будапешта.

Нили, между тем, обходил комнату. Перевернув один из пуфиков, он поднял кружевной женский бюстгальтер и завертел на пальце.

– Кажется, девушка Ли Чин живет не только предсказаниями судьбы. Сколько ты берешь за вечер, мордашка?

Девка подскочила к нему и вlepила звонкую пощечину. Нили перехватил ее руку, подтянул девушку ближе к себе и смачно поцеловал в губы. Я вздохнул. Иамен сделал шаг, чтобы вмешаться в потасовку – уж не знаю, на чьей стороне – но я вовремя его перехватил и потащил из комнаты.

– Ингве, что...

– Сами разберутся.

И они разобрались. Нили заявился в наше бунгало только под утро. Плюхнулся на стул, вытащил из кармана бутылку «Гиннеса», пальцами содрал крышку и опрокинул пиво себе в глотку. Вид у него был довольный и победительный. Мы с Иаменом укоризненно на него посмотрели.

– Ну че, че? – с вызовом спросил мой телохранитель, вытирая пену с бороды. – Уже и личной жизни честный служака позволить себе не может?

Иамен покачал головой.

– А если бы, Мастер Нили, за время вашего отсутствия мне пришлось в голову прикончить уважаемого конунга Ингве и нафаршировать его труп заклинаниями – что тогда?

– Сам был бы виноват, – торжествующе сказал Нили. – Потому что не надо со всякой швалью связываться.

Что да, то да.

– Мы с Личинкой изучали новую позу, – продолжал между тем Нили, как будто новая поза могла послужить оправданием его отлучки. – Очень продвинутый тантрический секс.

– И как же называется эта поза? – поинтересовался я.

Сосредоточенно нахмурившись, Нили с трудом выдал фразу на тайском. Иамен захохотал. Я к нему спустя секунду присоединился.

– Чего вы ржете? Ну, чего?

Иамен перестал смеяться, хотя в глазах его все еще бегали шальные искорки.

– В приблизительном переводе, название вашей позы звучит как «Лисица, наебывающая глупого баклана».

– И что это значит?

– Это значит, – сказал я, – проверь кошелек.

Кошелек, естественно, и след простыл.

– А я думал, чего так дешево, всего пятьдесят баксов за ночь... – обиженно протянул Нили.

Я не выдержал и снова расхохотался.

Ингвильф прибыл на следующий вечер. Прибытие его было отмечено ревом девятисоткубового мотоциклетного мотора. Мой капорежиме не признавал автомобилей.

«Сузуки-SX» вспахал песок перед ступеньками крыльца, и Ингвильф бодро спешился. Содрав с рыжей башки шлем, он взбежал по ступенькам и заключил меня в медвежьи объятия. Косточки мои хрустнули.

Ингвильфа и Нили можно было бы принять за братьев-близнецов, если бы не рыжие космы первого. Не самая обычная для свартальва окраска. Пока Ингвильф жадно насыщался заказанной по такому случаю пищей, я задумчиво за ним наблюдал. Странную, на самом-то деле, я подобрал себе команду. Консильере мой пидор, заместитель – рыжий, не говоря уже обо мне, неизвестно под какой кучей шлака найденном. Не Совет Хранителей Свартальфхейма, а какая-то банда выроdkов. Бедный мой дед, к чему неудачный внук ведет твое великое Подгорное Царство?

После ужина Нили мягко, но настойчиво вывел Иамена на прогулку по морскому берегу, а я приготовился выслушать московские новости. Ингвильф приехал всего на день, ибо дела московского офиса были таковы, что оставлять его без присмотра не представлялось возможным.

– Нефть пропадает во всех скважинах. Будто в Хель утекает, Гарм ее побери. Сейчас мы с этим... новым человечком Касьянова... думаем уже о нефтяных песках. На мировом рынке цены подскочили до полутора сотен за баррель, так что вроде должно окутиться.

– Ага, – рассеянно сказал я.

Эта часть бизнеса интересовала меня в последнюю очередь, тем более что в Ираке нефть пока никуда не делась. И тут уж можно было положиться на Амоса – он свой кус поимеет.

– А дома что?

– Дома...

Ингвильф нахмурился. Толстые брови сошлись на переносице, как две повздорившие гусеницы.

– Старик хворает.

– Подумаешь, он уже тысячу лет хворает.

Ингвильф поднял на меня черные глаза. Выражение его лица мне не понравилось.

– Мастер Ингве... Не хочу каркать, но как бы ни пришлось тебе в ближайшие месяцы принимать Нидавель-Нирр.

Я присвистнул.

– Что, все так плохо?

Ингвильф кивнул. И это мне совсем не понравилось.

Официально, Царем-под-Горой все еще считался мой дед. И правильно, потому что венец властителей Нидавеллира у меня разве что на ушах не вис. Неофициально, большей частью дел управлял уже несколько лет я со своей командой. И не так уж чтобы совсем уж паршиво управляли, однако принимать титул мне совсем не хотелось. Хотя бы потому, что придется безвылазно торчать под землей, а это в мои планы отнюдь не входило. Я встряхнулся.

– Что-то ты, Вульфи, раскис. Бессмертные от старости не умирают. Старина Дьюрин еще попляшет на твоей помолвке.

Ингвильф некоторое время смотрел на меня, ничего не говоря. Потом, наконец, отверз уста и медленно, как бы неохотно произнес:

– Ингве, можно с тобой по-честному?

– Ты что, побратим? С чего ты такие глупости спрашиваешь?

Ингвильф потеребил огненно-красную бороду и – отвел глаза. С каких это пор мой капорегиме не решается смотреть на меня прямо?

– Вот что, князь. Я, когда вы на пару с Ингри тот взрыв устроили, ничего не сказал. Хотя мог бы.

– Я думал, ты...

– Не перебивай, конунг.

От волнения он переходил то на русский, то на шведский, то на родной нахрваз.

– Мог бы сказать, что, каким бы дураком не был твой папаша, а только он твердо знал: в один прекрасный день ему придется принимать власть. Потому что от преклонного возраста бессмертные, конечно, не умирают, но не может же старик, рожденный еще до того, как Локи прикрутили к скале кишками собственного сына – не может он вечно крутить эту лебедку. И князь Драупнир Темный, хоть и сволочь он был порядочная, это понимал. А вот ты, побратим, не понимаешь или прикидываешься, или просто понять не хочешь. Поэтому я говорю – тогда, пять лет назад, я тебе не возразил и не остановил, а зря. И плевать, что сейчас я бы киркой на шахте ворочал, а не посиживал в кресле в красивом офисе. Нахрен мне это кресло и этот офис сдались. И еще скажу – если бы ты понимал наш обычай по-настоящему, вернулся бы сейчас вместе со мной. Разобрались бы мы по-быстрому с делами и домой отправились, и ты бы провел зиму, не шкандыляясь. Фенрир знает где, как какой-то, прости Имир, принц Флорентинский, а слушая уроки деда. Потому что, сдается мне, Мастер Ингве, никогда ты к ним особенно не прислушивался.

Если первая часть его речи меня почему-то обеспокоила, то упоминание несчастного принца Флоризеля из уст моего капорегиме звучало настолько комично... Я улыбнулся и накрыл своей ладонью его лапищу.

– Что-то ты слишком много в последнее время думаешь. Что, совсем в Москве не с кем устроить хорошей драчки?

Ингвильф молча убрал руку. Порывшись в своем дипломате, который уместил под столом, он вытащил и бросил на столешницу толстую желтую папку.

– Вот, почитай на досуге. Может, хоть тогда немного одумаешься. И еще – если ты и вправду за этим человеком хочешь гоняться, на одного Нили я тебя не оставляю. Будешь у меня ходить с шестеркой телохранителей, как князю и пристало.

– Ну уж это ты размечтался.

Ингвильф снова посмотрел на меня по-медвежьи. Недаром говорят, что смертные из клана Вульфингов мешали кровь со свартальвами – а Вульфинги, все как один, были оборотнями.

Тем временем мой заместитель встал, со скрипом отодвинув стул, и направился к двери.

– Ты куда?

– Пойду, продышусь. А то мне через час обратно в аэропорт, а я в самолете отсидел всю задницу. И выпивка у них хоть и халявная, а мерзкая.

Называется, поговорили. Я проводил его взглядом. Небось, побежал обсуждать с Нили усиление мер моей безопасности. Дай-то Имир, чтобы Нили не растрепался ему про некроманта. Эта мысль так меня озаботила, что я встал и крадучись вышел из бунгало. Не хватало еще, чтобы они вдвоем с Нили ненароком замочили Иамена. Или он их, что тоже вполне возможно.

Однако все тихо было на берегу. Ни криков, ни звуков побоища – ничего, кроме вечной песни прибора.

К утру электричество в отеле вырубилось. Нили дрых или делал вид, что дрыхнет, а у меня сна не было ни в одном глазу. Несчастный администратор, уже, наверное, не раз помолившийся Будде о скорейшем избавлении от беспокойных гостей, снабдил меня большим запасом свечей. Свечи горели весело, но одуряюще воняли жасмином. Я устроился на кровати с папкой. Иамен в своем гамаке нацепил очки и перелистывал страницы уже следующего романа. Скоротец.

– Интересная книжка? – без особого любопытства спросил я.

Иамен поднял голову от книги и сдвинул очки на лоб.

– Забавный у автора взгляд на мир. Редкое сочетание цинизма и беспомощной веры в человека. К сожалению, даже я, не проживший на этом свете многих эонов, понимаю, как он далек от истины.

– А что есть истина?

– Возможно, истина кроется в желтой папке, которую вы так нервно теребите. Читайте себе. Обещаю не подглядывать.

Что-то я слабо верил его обещаниям. Отвернувшись на всякий случай к стене, я развязал тесемки – и на покрывало обрушился бумажный водопад.

Содержимое желтой папки внушило мне равно оторопь и грусть. Оторопь потому, что я и не подозревал об исследованиях, ведущимися российскими вооруженными силами. Оказывается, у немцев потырили не только бомбу, но и почти все разработки по программе «Вервольф» (в русской интерпретации «Оборотень». В погонах...). Было у меня нехорошее подозрение, что документацию советским шпионам сплавил все тот же вездесущий Скорцени, в конце войны приложивший руку к германским ликантропам, и весьма жадный до чужого золота. Что же касается грусти... посудите сами.

...Мальчик жег белый тополиный пух. Пух вспыхивал, как порох, и сгорал быстро и яростно. Если повезет, от одной спички выгорит вся улица, а то и парочка соседних. Это было его любимой и единственной игрой.

Во дворе его обзывали: вонючкой, пердилой, хильым, байстрюком, пасюком, говнолизом и Рыжим-Бесстыжим. Мать его была уборщицей, скребла подъезды, а в подъездах вечный срач, матерные каракули по стенам, у батареи – лужи: то ли кот нассал, то ли постарались пьяные. В выходные мать, напившись до полного оупения, прижимала буйно-рыжую голову Володьки (она звала его Севкой. Она одна звала его Севкой) к переднику и ревела ревмя. Потом лупила армейским ремнем с большой латунной пряжкой. Иногда, подвыпив, подпирала щеку кулаком и заводила длинное, бесконечное: «Папаша наш, Севка, не фраер какой-нибудь, не инженер в пиджачке чесучевом. Петр Гармовой честный фартовый! Петр Гармовой в законе. Вот выйдет папаша наш с зоны, вину честно искупивши, кровью своей искупивши вину, выйдет и все-ем покажет! Всех к ногтю прижмет!» И так до полуночи, пока кран не зафырчит надменно и яростно. Ночами в южном городишке отключали воду. Отключали и днем, и тогда

Володька бегал с канистрами к цистерне или к крану в профилактории. На обратном пути его подстерегали Жмых и Жука, канистру отбирали и переворачивали Володьке на голову. Затем канистра летела в кусты сирени, а мокрый Володька – в другие кусты, по противоположную сторону от вымощенной плитами дорожки. Дома мать драла ремнем за измятую канистру и грязную рубашку.

Материнским рассказам про отца Володька сначала верил, потому что заразился силой веры от матери. Сначала – верил. Потом сомневался. Глядя в мутное, заплеванное зеркало в ванной, из собственных мальчишеских черт пытался выстроить портрет отца. Вот его вихрастые рыжие волосы, а у матери серые, тусклые, плоские под платком – значит, в отца. Вот темно-карие его глаза, а у матери белесые, невские, питерские – опять в отца. Вот облупившийся от загара прямой нос, вот рот, подбородок с маленьким белым шрамом – разбил, когда Жмых и Жука столкнули с лестницы. Жмых и Жука, проклятые. Они на два года старше Володьки. Оба тоже безотцовщина, только у них безотцовщина хорошая, почетная: лейтенант Михальский, отец Жуки, и старший сержант Рябушкин, жмыхов папаша – оба сгинули в Великой Войне. Они – герои. А ты – то ли урки сын, то ли вообще байстрюк. Потому что родился двумя годами позже, в холодном сорок седьмом, и никак – ну никак – не мог твой папаша сгинуть на фронтах. Так что сиди и не рыпайся. Молчи.

Он и молчал. Молчал на уроках, когда учителя спрашивали – хотя и знал материал. Молчал, когда ржали над ним девчонки – сначала в школьной форме и белых бантиках, потом в платьях с пышными рукавами, спешащие на танцплощадку, цокающие каблучками о плавающий от жары асфальт так сладко и призывно. Молчал в военкомате, когда спросили: где хочешь служить? Молчал на медкомиссии. Молчал в поезде на Ростов, когда остальные бухали купленный на полустанках самогон. Молчал, когда гнали пешком через Грозный. Молчал на сортировке новобранцев, молчал, когда определили его в группу старшего лейтенанта Черепина, начальника разведки ракетного дивизиона и редкой сволочи. Молчал весь первый месяц армейской доподготовки. И когда присягу заставляли произносить, кажется, тоже молчал. И уж наверняка молчал, когда били его по почкам и по яйцам, совали мордой в мокрый сортирный кафель, не могли не бить и не совать, потому что на два года старше Жуки и Жмыхи как раз готовились к дембелю. Его били. А он молчал. В том-то и дело, что он молчал слишком долго. Неестественно человеку так долго молчать, подобная тишина всегда завершается страшным криком или страшным поступком.

Жара плавил военный городок. Над горами тарахтел кукурузник, тянущий за собой полосатый желто-красный матерчатый конус. На западе серели корпуса цементного завода, а вокруг – ничего живого, вокруг – бетонный забор с колючкой. Над забором, над горами и городом плыли дымные султаны нефтяных факелов. В столовке – длинные лавки, ведра с перловкой. По утрам – двадцать грамм масла цилиндром, хочешь – клади в кашу, хочешь – жри так. Борщ, суп, капуста – от него потом весь день бурчит в кишках и отрыжка воняет кислой капустой. Ноги стертые в кровь, потому что – марши с полной выкладкой, а портянки заворачивать так толком и не научился. В столовой нет вилок. В чае нет сахара. Страна, блин, на подъеме. На побудке в пять утра. Двухъярусные кровати, поролоновые матрасы, синие солдатские одеяла. В тумбочке: зубная щетка, станок, лезвие. Еще в тумбочке письменные принадлежности. Чтобы, значит, писать письма домой. Девушке. Или маме.

Я читал его письма. Первые, написанные неуверенным, кругловатым почерком не привычной к перу руки. В более поздних документах почерк изменился. Стал острее. Тверже. Настоящее золотое дно для графолога. Последние подписи (на ксерокопиях документов об увольнении из рядов) – как острая линия кардиограммы у больного тахикардией. Но это было потом, сильно потом, а сейчас Володька Гармовой выводил буквы неумелой детской рукой.

Я представил, как он писал эти письма и аккуратно отсылал каждую неделю, и письма копились на почте, потому что мать давно отравилась политурой и нашли ее, распухшую, в запертой квартире через две недели по запаху. А какому-то почтарю было лень сразу шлепнуть печать «адресат выбыл в вечность», и вот письма копились, копились и, наконец, вернулись обратно огромной пачкой. И Гармовому сказали, сержант-подлец наверняка сказал: «Тебе письмо, дух, пляши!» – и Гармовой плясал, неумело и жалко. Ему говорили: «Еще, зажигай, блин, как пляшешь?!» – и он плясал еще. Как же он выл позже в тот вечер, как рвался из собственной кожи и рыдал на плосколицую злую луну!.. Нет, этого я как раз представить не мог. Потому что это и стало тем, что в желтой папке по-канцелярски именовалось «инициирующим событием», в общепринятой лексике – «триггером», а если по-правде, первым обращением. Подлец-сержант иницииирующего события, кстати, не пережил, как и многие соседи по казарме, из дембельского, преимущественно, состава. Дело замял старший лейтенант Черепин, которому за такую находку выдали сразу две звездочки на новенькие погоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.